

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

ШАГ К ЗВЕЗДАМ

Вспышка

Андрей Ливадный

Шаг к звездам

«Автор»

2005

Ливадный А. Л.

Шаг к звездам / А. Л. Ливадный — «Автор», 2005 — (Вспышка)

Взрывное развитие кибернетических технологий делает появление искусственного интеллекта попросту неизбежным. Кажется что создание разумных роботов – вопрос ближайшего будущего. Но для Антона Извалова, чья молодость была опалена войной в горах Кавказа, это будущее уже наступило. Оказавшись не по своей воле в других горах – афганских, он встретил там боевых андроидов из секретных лабораторий Пентагона...

© Ливадный А. Л., 2005

© Автор, 2005

Содержание

От автора	5
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	37
Часть 2	52
Глава 4	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Андрей Львович Ливадный

Шаг к звездам

(Вспышка)

От автора

Мы, несомненно, движемся вперед.

Двадцатый век стал достоянием истории, но, обращая взгляд в будущее, нельзя не оглядываться вокруг, ведь большинство истоков грядущих событий – дело рук наших современников.

Мир, к сожалению, не стал чище. На общем фоне стремительно развивающихся технологий, где явными фаворитами выглядят кибернетика и телекоммуникации, не видно признаков приближающейся Утопии.

Что день грядущий нам готовит? Золотой век цивилизации явно остается мифом – население растет, а прорыва в освоении космоса нет, энтузиазм и амбициозные потенции начала космической эры, позволившие человеку достичь Луны, канули в лету, – после падения «железного занавеса», когда «де юре» закончилась холодная война, их подменила деловая активность, связанная с эксплуатацией космической техники в коммерческих целях.

Конечно, можно возразить, что существуют государственные программы изучения и освоения космоса, готовится экспедиция на Марс, по-прежнему работают обсерватории и научно-исследовательские институты, но все выше перечисленное – удел нескольких десятков тысяч человек. А что станет с остальным населением земного шара в недалеком будущем?

Темпы развития компьютерных технологий далеко опережают все остальные направления общечеловеческого развития. По эмпирическому выводу господина Мура¹ несложно предсказать, что в ближайшие десятилетия мы получим машины, чей вычислительный потенциал будет сравним с производительностью нашего мозга.

Пока у стремительно «умнеющих» машин нет надежного, компактного, а главное – автономного источника питания, компьютеры останутся настольными приспособлениями, развлекающими нас, расширяющими сферу наших познаний, общения, берущих на себя часть житейских забот, – это не представляет глобальной угрозы, как и не несет всеобщего процветания. Последнее утверждение основано на том, что мы в подавляющем большинстве – пользователи, не разбирающиеся в глубинной сути того, что эксплуатируем. Это не упрек и не выпад в чью-либо сторону – у каждого своя жизнь и к любому человеку применимо высказывание о том, что нельзя объять необъятное.

Мы и не пытаемся это делать. Есть множество направлений деятельности, где машины с большей эффективностью работают по узким специализациям, старательно взращивая те побеги, плоды с которых срываем мы с вами.

Однако все измениться, как только наши настольные «хоумы» обретут две степени свободы: новую операционную систему, способную приспосабливаться к окружающей среде (ради комфорта пользователя и повышения собственной надежности, естественно) и автономный, независимый от опутавших планету электросетей, источник долголетнего питания.

Я бы назвал это Вспышкой.

¹ Закон Мура – приблизительное удвоение количества транзисторов на новых кристаллах микропроцессоров каждые восемнадцать месяцев, из чего следует эмпирический вывод: где-то между 2015–2035 годами вычислительная мощность отдельных компьютеров сравняется с «сырой» мощностью человеческого мозга. (По предварительным оценкам быстродействие человеческого мозга составляет приблизительно 10 в 16-ой степени операций в секунду).

Она уже так близка, что боюсь, нет времени, на то, чтобы спокойно, взвешенно подготовиться к ней. Она произойдет вне зависимости от желаний миллиардов людей, – попросту стремительное развитие кибернетики в определенный миг станет процессом неуправляемым, и общество расслоится, но уже не на богатых и бедных, а по совершенно иным градациям. Будут те, кто естественно и непринужденно перешагнет через грань, отделяющую настоящее от будущего, но, к сожалению, останутся люди, не подготовленные жизнью к внезапному, вспышечному развитию окружающего нас электронного мира.

Вспышка – это не черта, а скорее пик развития, за которым последует изменение окружающей нас реальности. К мыслям о Вспышке подводит все, – начиная от новостей компьютерного мира и заканчивая свидетельствами использования террористическими организациями самых продвинутых образчиков электронно-вычислительной техники.

Два упомянутых примера – это крайние, экстремальные проявления окружающего мира. С одной стороны стоят мощные корпорации, работающие на благо потребителя и не считающие необходимым как-то ограничивать лавинообразный прогресс электронных систем, а с другой – недобросовестные пользователи их продукта, применяющие его, сообразуясь с собственными этическими нормами.

Где-то посередине мы – подавляющая часть человечества, по-прежнему разобщенные, далекие друг от друга, разные, по складу мышления и уровню технических знаний.

Нам не остановить грядущего. Мы можем либо жить в святом неведении, либо пытаться предугадать его...

Часть 1

Истоки

Глава 1

Все начинается с малого. Историю творим мы сами, и она ни что иное, как сложное проявление тысяч, миллионов причинно-следственных связей. К сожалению лишь отдельные люди задумываются над этим, ищут уместные сравнения, осознавая, что глобальные мировые процессы не возникают вдруг на пустом месте, как ни одна из полноводных рек земного шара не имеет в своих истоках ничего кроме маленьких, слагающих ее устье ручейков...

24 февраля 1991 года. Первый день сухопутной операции войск международной коалиции на территории Кувейта.

...Черный смрадный дым тяжелыми клубами стлался над землей, затмевая небеса. Нефтяные скважины горели в десятке километров от места высадки, но начавшаяся с утра песчаная буря не рассеивала дым, а наоборот прибивала его к поверхности земли, – мелкие частички гари налипали на поднятый ветром песок, превращая заурядное для этих мест природное явление в сущий кошмар.

На узком асфальтированном шоссе, выстроившись в колонну, стояли два «Хаммера» и пять армейских грузовиков с различным снаряжением.

Водители машин ждали приказ на начало движения, но командовавший колонной офицер вот уже четверть часа нервно расхаживал по припорошенному песком асфальту, пытливо глядя в сторону побережья, где утром произошла высадка войск.

Наконец из мутной пелены показалась одинокая фигура. Лейтенант в форме ВВС США бежал, по щиколотки увязая в песке. Нижнюю часть его лица закрывала дыхательная маска, глаза защищали темные очки, а новенькая полевая форма уже успела пропылиться, и на ней белесыми разводами проступали пятна соли от моментально высыхающего пота.

Ступив на асфальт, он остановился перед офицером, и отрапортовал, приподняв дыхательную маску:

– Лейтенант Ричардсон, сэр. Взвод компьютерной поддержки, отдельной роты техобеспечения. Откомандирован для сопровождения груза.

– Капитан Горман. – Сухо отрекомендовался командир колонны. – Долго лейтенант. – Не скрывая раздражения, добавил он. – Мы уже пол часа стоим на месте.

– Я получал секретную документацию, сэр. – Ответил Герберт.

– Ладно. – Горман внезапно закашлялся и глухо произнес: – Поедете в замыкающей машине. Наши танковые соединения ушли вперед, так что дорога должна быть очищена от вражеских войск. Первая остановка вот тут, – он приподнял висевший на боку планшет и указал точку на карте. – Позиция противоракетных комплексов. Действуйте быстро, лейтенант, до сумерек нам нужно успеть проделать весь маршрут.

Герберт кивнул. Он был рад, что дыхательная маска и очки полностью скрывают выражение его лица. Впервые оказаться на войне – вещь малоприятная, а смог от горящих нефтяных скважин и поднимающаяся час назад песчаная буря лишь усугубляли чувство подавленности, лишая окружающую действительность даже намек на романтику.

Проклятый Ирак... – Думал Герберт, шагая к машине. Песок, секущий по незащищенным экипировкой участкам кожи, едкий смрад горячей нефти, багровый диск солнца, изредка проглядывающий в прорехи чадного марева, – все это сливалось воедино, формируя жутко-

ватую картину действительности. Видимость не превышала десяти-пятнадцати метров, и от этого казалось, что ты попал на иную планету, где нет цивилизации.

Забравшись в кузов машины, он прошел по узкому проходу между плотно штабелированными контейнерами, и постучал кулаком по кабине, давая понять водителю, что он на месте.

В ответ раздался приглушенный сигнал, и колонна, наконец, тронулась с места. Ричардсон, покачнувшись от внезапного рывка, стал пробираться назад к откидному борту, где заметил узкое сидение...

...Через щель неплотно закрытого кунга пробивалась пыль, но Герберт не стал затягивать шнуровку. Чувство которое он испытывал с самого утра нельзя было назвать страхом – скорее его снедала неосознанная тревога, смешанная с нервным любопытством. В глубине души он надеялся, что для него эта война не выйдет за рамки обычной рутинной работы, с той лишь разницей, что вместо стерильной лаборатории на этот раз придется действовать под открытым небом.

Собственно, командировка в Персидский залив не явилась для него неожиданностью. Еще с июля прошлого года, когда Ирак оккупировал Кувейт, он понимал, – война неизбежна, а театр назревающих боевых действий по определению станет полигоном для испытаний новой, строго засекреченной техники.

Герберта абсолютно не смущал тот факт, что секретное оборудование доставленное на территорию Кувейта, по сути, будет испытано на людях. Иракцы, поджигающие нефтяные скважины, и посылающие свои ракеты в сторону Израиля, в отместку на удары международной коалиции, казались ему средневековыми варварами, не достойными права называться цивилизованным народом.

Подумав об этом, он посмотрел на упаковочные контейнеры, внутри которых покоились нейрокомпьютеры – вычислительные машины, построенные на базе искусственных нейросетей. Он лично посвятил этим разработкам не один год и отлично знал, как работают обученные им машины.

Герберт не зря употребил в своих мыслях термин «обучение». Дело в том, что любой нейрокомпьютер радикально отличается от обычных электронно-вычислительных устройств. Искусственные нейроны, соединенные в сеть, невозможно запрограммировать обычным способом – их следовало обучать, на основе специальной выборки примеров. В результате, каждая отдельно взятая нейросеть, становилась эффективной, но узкоспециализированной экспертной системой, способной принимать оптимальные решения в сложных ситуациях, неразрешимых для обычного электронного устройства.

Первые разработки в данной области начались еще в шестидесятые годы, но только теперь, с бурным развитием нанотехнологий² появилась реальная возможность сконструировать и применить на практике компактные, транспортабельные образцы уникальной техники.

Сам термин «нейрокомпьютер» так же был не нов. Подобные системы уже порядка десяти лет успешно работали в сфере бизнеса. Крупные промышленные компании использовали специально обученные нейросети для оптимизации своих производств, эффективного управления технологическими потоками, затем они все чаще стали появляться на биржах, где зарекомендовали себя как незаменимые экспертно-аналитические системы, способные предсказать рост или падение курса акций, но при всех перечисленных особенностях и преимуществах нейрокомпьютеры, по мнению Герберта, никаким образом не подпадали под понятие «искусственного интеллекта». Баснословно дорогие, узко специализированные машины, эффективные лишь в той области знаний, которым они были обучены, – вот что представляли собой современные нейросети.

² Нано – от греческого *nanos* – карлик. Нанотехнологии подразумевают миниатюризацию тех или иных механизмов, электронных схем, приведение их к компактному виду.

Трясаясь в грузовике, лейтенант думал о том, что спустя несколько часов он сможет, наконец, убедиться насколько оправдан труд последних лет его жизни. Блоки автономной нейросистемы, которую он создал, предназначались для интеграции в экспериментальные ракетные комплексы класса «земля-земля», и были призваны исключить любые ошибки в распознавании целей при нанесении точечных ударов по противнику...

...Грузовик внезапно качнуло и резко повело в сторону.

Лейтенант, углубившийся в свои мысли, не сразу понял, что произошло, – машинально схватившись за ближайший контейнер, он едва сумел удержать равновесие, но в следующий миг пластиковые ящики с драгоценным грузом внезапно пришли в движение, угрожающе сползая в узкий проход.

Мгновение спустя он услышал зловещий треск лопающихся креплений; спину обдало ледяной испариной, когда пол под ногами вдруг начал опрокидываться, а драгоценные пластиковые кофры с грохотом посыпались в узкий проход...

Не понимая происходящего, он инстинктивно ухватился за задний борт, чувствуя, что машина вот-вот перевернется. Мир вокруг моментально сузился, оставив его восприятию лишь стремительно опрокидывающийся фрагмент дорожного покрытия, видневшийся сквозь щель неплотно закрытого кунга, да ощущение непоправимости внезапных событий.

Подчиняясь рефлексам, он выпрыгнул из машины и неловко приземлился на запорошенный песком асфальт, ощутив, как короткоствольный «ХМ-177», выданный в качестве личного оружия, больно впился в грудь.

Из поднебесья накатывал изматывающий звук, который рвал натянувшиеся нервы тонким высокочастотным свистом... Сонмище мгновенных, не ведомых ранее ощущений навалилось на Герберта, охватывая его сознание со всех сторон: казалось, что источник непереносимого тонкого визга рушиться прямо на него, в душе стыл безотчетный ужас, но лейтенант, преодолевая бьющую тело бесконтрольную дрожь, все же нашел в себе силы, чтобы приподнять голову и осмотреться.

Секунды вдруг начали растягиваться в субъективную вечность: он отчетливо увидел, как в десятке метров от него двигавшийся по инерции грузовик окончательно сполз в обочину и перевернулся, глухо ударив бортом о наветренный склон песчаного наноса. От толчка пластиковые кофры с упакованными в них нейрокомпьютерами порвали прорезиненную ткань камуфлированного тента и рассыпались, веером вспахав гребень сыпучей возвышенности...

В следующий секунду мир потонул во всплеске ослепительного оранжевого пламени: Герберт ощутил тугой, обжигающий вал взрывной волны, увидел разлетающиеся в стороны куски вырванного из дорожного полотна асфальтобетона... – все это спрессовалось в дикое, сиюсекундное восприятие полыхнувшего рядом взрыва, который приподнял лейтенанта и отшвырнул его в сторону, будто тряпичную куклу...

Сознание на миг погасло, но тут же вернулось с тошнотворным, подкатывающим к самому горлу ощущением полной дезориентации. Плохо соображая что делает, Герберт привстал на четвереньки, чувствуя, как ладони продавливают горячий песок, а вокруг по-прежнему бесновался неистовый грохот... дымные оранжево-черные султаны разрывов возникали в самых неожиданных местах, перепахивая землю в полусотне метров от неглубокой ложбины между двумя отлогими барханами, куда зашвырнула лейтенанта взрывная волна.

Он почти ничего не видел из-за дыма, в голове стоял иссушающий звон контузии, раскусок работал со странной избирательностью и лейтенант, пребывая в состоянии полного аффекта, пополз назад к дороге...

С трудом взобравшись на осыпавшийся гребень песчаной возвышенности, он затравленно огляделся по сторонам и внезапно увидел обрывочную, фрагментарную картину происходящего, в тех подробностях, что позволял разглядеть стелящийся вдоль самой земли дым...

На исковерканном взрывами дорожном покрытии между свежих воронок чадно полыхали четыре грузовика колонны. Последняя, замыкающая машина, в которой ехал он сам, просто опрокинулась набок, и лежала в обочине, нелепо задрав к дымным небесам медленно вращающиеся колеса. Взрывы вокруг не прекратились, но теперь они переместились чуть дальше, вглубь пустынной местности...

Оглянувшись в ту сторону, Ричардсон с внезапной болезненной отчетливостью понял, что колонна попала под удар собственной артиллерии. Они не успели отъехать далеко от побережья, и ураганный обстрел местности наверняка вел один из кораблей, возможно, тот самый крейсер, с борта которого двумя часами раньше Герберт сошел на берег.

С гребня возвышенности было хорошо видно как неподалеку, подле разрушенных прямыми попаданиями приземистых построек небольшого населенного пункта горят четыре иракских танка. Пространство вокруг их позиций было перепахано снарядами, но обстрел не прекращался, разрывы продолжали свой неистовый танец, – прямо на глазах лейтенанта стены двухэтажного дома вдруг содрогнулись, окутавшись клубящимся белесым облаком, из которого во все стороны, словно шрапнель, ударили мелкие горячие обломки...

Он инстинктивно отпрянул назад, привстал, намереваясь бежать, неловко оступился на предательски осыпающемся склоне и кубарем скатился по наветренной стороне песчаного наноса.

Ударившись спиной об один из щедро рассыпанных по склону ящиков с оборудованием, он на миг полностью пришел в себя от резкой смены болезненных ощущений, и заработавший рассудок тут же подсказал: абстрактная война закончилась, враг всего в сотне метров, и возможно жить осталось считанные секунды...

От этих мыслей стало жутко, липкий страх запоздало обдал тело ледяным потом, Герберт вдруг вспомнил о личном оружии, которое он потерял в момент близкого разрыва, где-то подле опрокинутого грузовика, и на миг его контуженый рассудок захлестнула всепоглощающая волна отчаяния: хотелось сесть, обхватить голову руками и взвыть...

Убьют... Если буду сидеть – убьют... Нужно найти капитана Гормана...

Он затравленно огляделся, но сизый кисловатый дым прибило ветром к самой земле, не давая увидеть ни своих, ни врагов, лишь до слуха доносились отчетливые звуки беспорядочного автоматического огня, и ему не оставалось ничего иного, как ползти к опрокинувшейся машине, которая осталась для Герберта единственным доступным ориентиром.

...Лучше бы он избрал иное направление.

Извиваясь, словно ящерица, Ричардсон преодолел несколько метров крутого подъема дорожного насыпи, и внезапно его глаза оказались вровень с кабиной опрокинувшегося грузовика.

Водитель и офицер – оба были мертвы, их безвольные позы и обилие крови, забрызгавшей покрытое сеткой трещин, пробитое в десятке мест лобовое стекло, немо свидетельствовали о непоправимости случившегося, и рассудок Герберта не выдержал страшной картины – несколько секунд лейтенант потрясенно смотрел, как с приоткрытой двери в песок срываются тягучие темно-красные капли, а затем сознание помутилось, уплывая в дымный прогорклый сумрак...

...Он очнулся несколькими минутами позже, и, не оглядываясь, пополз прочь, но кошмар не прекратился, – обогнув полыхающие грузовики, Ричардсон внезапно наткнулся на обугленный, изуродованный до полной неузнаваемости труп.

Человеческое тело дымилось, источая удушливый смрад сгоревшей плоти, на почерневшем лице лопнула обуглившаяся кожа, обнажая страшный оскал черепа, и, словно в издевку над жуткой откровенностью этой картины, полузадохнувшийся Герберт увидел совершенно не пострадавшие знаки различия капитана морской пехоты...

Это был Горман...

Капитан Горман, которому он рапортовал о прибытии каких-то пол часа назад...

Не в силах выдержать страшного зрелища Ричардсон конвульсивно сорвал дыхательную маску и, зажимая ладонями рот, бросился прочь...

Ему уже было абсолютно все равно куда бежать и что ждет его впереди.

Из чадного сумрака внезапно прорезался контур застывшего поперек дороги «Хаммера». Герберт остановился, ухватился рукой за распахнутую бронированную дверь машины и его, наконец, вывернуло наизнанку.

Нет... Это не со мной... Этого не может происходить... – Тщетные бессвязные мысли метались в голове, а неуклюжая попытка разума абстрагироваться от реальности, закончилась лишь тем, что горло сдавил еще один удушливый спазм, но желудок уже расстался со своим содержимым и из горла вырвался сдавленный конвульсивный кашель.

В следующий миг чья-то рука схватила лейтенанта за плечо и грубо швырнула его на теплый асфальт.

– Ошалел?! Жить надоело?!

Лейтенант извернулся, вырвавшись из цепких объятий, и увидел незнакомого капрала в форме морской пехоты, который лежал рядом с ним, посылая в дымный сумрак короткие очереди из «М-16». Штурмовая винтовка ритмично вздрагивала в руках здорового афроамериканца, и короткие хоботки огня на миг освещали его лоснящееся от пота эбеново-черное лицо с блестящими, выкаченными белками глаз.

В следующий миг по асфальту хлестнула ответная автоматная очередь, – пули с визгом ушли в рикошет, сбивая краску с камуфлированного борта застывшего поперек дороги «Хаммера».

– Отходим! Назад! По другую сторону насыпи!

Команда возымела действие, – в такие секунды только стопроцентный идиот задумывается над вопросами субординации, и лейтенант безропотно пополз вслед за капралом.

Скатившись по гравийному откосу, они оказались по другую сторону дорожного полотна. Здесь уже заняли позиции пятеро морских пехотинцев, – не обращая внимания на вновь прибывших, они лежали на скате обочины, пытливо всматриваясь в рваный, дымный сумрак.

Мгновенье спустя над головой Ричардсона с грохотом заработал «М-60», вторя ему короткими очередями залаяли автоматические винтовки.

Горячие гильзы, шурша и позвякивая, летели вниз, под ноги скорчившемуся Герберту.

– Ну, лейтенант?! Ты придешь в себя?!.. – Цепкие пальцы вновь схватили его за плечо, ощутимо встряхнув, и Ричардсон медленно повернул голову, мучительно соображая: что он должен ответить?...

Смерть по-прежнему ошалело плясала вокруг. К артиллерийской канонаде теперь добавились близкие отчетливые звуки автоматического огня, горячий воздух, смешанный с дымом и песчаной взвесью, крутило тугими смерчами, взрывные волны упругими, болезненными толчками накатывались с разных сторон, не давая возможности сориентироваться в кошмарном сумраке бессистемного боя.

...Два разрыва легли неподалеку, вырвав край дорожного полотна, заставив лейтенанта конвульсивно дернуть головой, так что лязгнули зубы, но странное дело – близкий взрыв вернул ему способность соображать, и, вслед за грохотом, он вдруг отчетливо уловил обрывок адресованной ему фразы:

– ...сбились с маршрута из-за песчаной бури. Надо выводить людей, мы оказались в тылу иракских позиций!..

Ричардсону потребовалось несколько секунд, чтобы осмыслить слова Дугласа. Капрал явно ждал от него каких-то приказов, действий, но офицерские знаки различия не могли дать Герберту никакого преимущества во внезапно возникшей ситуации. Проще и честнее было сказать об этом напрямую...

– Я не могу принять командование. – Хрипло ответил он. – У меня нет боевого опыта. Он ожидал презрительной реакции, но ошибся.

– Хорошо, лейтенант... – Дуглас резко перевернулся на спину. – Тогда вам придется выполнять мои приказы. – Он протянул руку, вытащил из-под обмякшего, безвольного тела мертвого бойца испачканную кровью «М-16» и протянул ее Герберту. – Будем прорываться назад, вдоль дороги.

Ричардсон заставил себя взять оружие, подумав, что ему нечем вытереть кровь и налипший на нее песок, но эта мысль промелькнула и исчезла, вытесненная из рассудка иными, более весомыми переживаниями.

– Я не могу уйти отсюда. – Хрипло выдавил он.

– Почему? – Коротко осведомился капрал.

Герберт указал на темную массу опрокинутого набок грузовика, который смутно просматривался по ту сторону дороги.

– В нем секретное оборудование. Оно не должно попасть в чужие руки. Это будет катастрофой.

Дуглас задумался всего лишь на секунду, – он быстро принимал решения и ничуть не сомневался в оправданности собственных действий.

– В таком случае мы подорвем грузовик вместе с содержимым.

Ричардсон внутренне похолодел от подобной перспективы.

– Нет. – Запротестовал он. – Это уникальная аппаратура. Ей нет аналогов. Там миллионы долларов.

Их диалог был прерван очередным близким разрывом.

– А сколько стоят наши жизни? – Проорал Дуглас, когда стих грохот. – Думай, что говоришь, лейтенант... Нас долбит своя же артиллерия, по ту сторону позиции иракцев, что с тыла – одному богу известно... Мы просто подохнем, если останемся тут.

– Уходите... – Герберту пришлось сделать усилие, чтобы выдавить из себя это слово. – Я не могу... – Он не закончил фразы, потому как внезапно возникшую дилемму разрешил раздавшийся невдалеке невнятный шум танковых моторов.

Звук приближался, он шел со стороны пустыни, как раз с того направления, которое капрал только что обозначил термином «тыл».

Прислушавшись, Дуглас вдруг грязно выругался.

– Это не «Абрамсы» лейтенант. Нас, похоже, зажали...

Герберту опять захотелось съежиться, втянуть голову в плечи, в наивной надежде, что дым и поднятый ветром песок скроют их от новой угрозы, но уповать на удачу не приходилось, – звук явно близился, накатываясь на их позиции, и нужно было принимать какое-то немедленное решение.

– По ту сторону дороги есть разрушенные постройки. – Выдохнул Герберт. – В них уже дважды попадали, может, мы укроемся в руинах? Оттуда наверняка видна дорога.

Кaprал на секунду задумался, затем кивнул.

– Хорошо, попробуем... – Он обернулся. – Всем приготовиться! – Зычный голос перекрыл шум ветра и отдалившийся грохот разрывов. – Меняем позицию! Цель – первый из разрушенных домов населенного пункта! Никому не отставать! – Дуглас рывком приподнялся на четвереньки. – Вперед! – Выкрикнул он, выпрямляясь в полный рост.

Мутная мгла поглотила его контур, вслед за капралом со ската обочины начали подниматься уцелевшие под артобстрелом бойцы. Низко пригибаясь, они рывком пересекали злополучную дорогу и так же исчезали в дымном сумраке.

Разум Герберта не поспевал за стремительным развитием событий, – из-за полученных контузий и постоянного стресса он ощущал себя беспомощным, ни на что не годным, но чув-

ства уже не играли былой роли, – они скользили по периферии сознания, будто призраки безвозвратно погибшего мироощущения...

Он вскочил, страхась вновь остаться в одиночестве. Сбившаяся набок дыхательная маска уже не защищала его легкие от едкого дыма, голова кружилась, и на фоне этих ощущений мгновенно исчезали все прежние чувства, – страх, растерянность, неприятие ситуации в целом, будто рассудок деградировал, распадаясь на отдельные сиюсекундные, рефлекторные позывы...

Бежать... Не отстать от своих... Вперед... Только вперед...

Ноги увязали в песке, склон песчаного бархана казался неодолимым, Герберт карабкался на него, позабыв всякую осторожность, стремясь лишь к одной цели – добраться до вершины песчаного наноса и увидеть руины дома, о которых он говорил капралу.

Впереди над заветным гребнем из мутной мглы внезапно возникла сгорбленная фигура и лейтенант, карабкавшийся по склону, вдруг с ужасом осознал, что этот человек одет не по форме морской пехоты США. На нем был камуфляж песчаного цвета со светло-коричневыми разводами, голову и нижнюю часть лица покрывала матерчатая повязка, в руках незнакомец сжимал автомат системы «Калашникова» с потертым прикладом и рыжеватым пластиковым магазином.

Фигура иракского бойца на миг застыла, – припав на колено, он выцеливал кого-то в окружающей мгле... и вдруг автомат в его руках звонко выплюнул длинную очередь, озарив пространство вокруг злобным хоботком пламени, пляшущем в узких прорезях ствольного компенсатора...

Вне поля зрения Ричардсона раздался громкий болезненный вскрик, и это вывело лейтенанта из секундного замешательства. Вскинув «М-16», он потянул тугую скобу, и автоматическая винтовка преданно ответила тремя ритмичными выстрелами, которые прервал сработавший механизм отсекаателя очереди.

Герберт был скверным стрелком, но промахнуться с дистанции в несколько метров, было практически невозможно: выпущенные им пули угодили в плечо и голову врага, заставив того конвульсивно дернуться, одновременно разворачиваясь на одном месте...

Он умер, вряд ли успев осознать факт собственной смерти, но Герберт впитал его короткую агонию каждой клеточкой своего тела.

Ему казалось, что нет больше ни прошлого, ни будущего, остался только этот миг, застрявший где-то посреди вечности: искаженное судорогой чужое лицо с кровоточащей раной вместо левой глазницы, белеющие на глазах губы, вытянувшиеся бескровной линией, разжавшиеся пальцы, падающий в песок автомат, и ноги, безвольно подгибающиеся в коленях...

Наваждение сгинуло так же быстро, внезапно, как и возникло, – тело убитого еще оседало на забрызганный кровью песок, а лейтенант уже инстинктивно рванулся вперед, будто в его жизни насильственная смерть являлась обыденностью, вот только мышцы лихорадило, да перед глазами еще несколько мгновений стоял призрак изуродованного агонией незнакомого лица...

Он оступился, упал, снова вскочил, дав две или три очереди по теням, что грезились вокруг, потом в поле его зрения попали руины дома, за которым чадно горели чужие танки, и он побежал к скособоченному двухэтажному строению с провалившейся внутрь крышей...

Картины, которые успевал зафиксировать взгляд, казались Герберту тусклыми, расплывчатыми, ветер дул порывами, поднимая в воздух тончайшую пыль, похожую на коричневатый туман, застилающий окрестности. Страхась потерять единственный ориентир, лейтенант сосредоточил свой взгляд на руинах дома. Он приближался к строению с наветренной стороны, клубы мельчайшей песчаной взвеси, вырываясь из-за спины, иногда застили все вокруг, снижая видимость до одного-двух метров, и в конечном итоге он был вынужден остановиться, потеряв ориентир...

Пока лейтенант медлил, пребывая в нерешительности, где-то рядом отчетливо ударил пулемет: ритмичный грохот длинной, непрерывной очереди проник в сознание, заглушив все остальные звуки. В этот момент клубы пыли, наконец, начали рассеиваться, – очередной порыв ветра приподнял эфемерное покрывало, и он увидел, что заветные руины уже совсем близко, до них оставалось пробежать всего метров сто...

На поверку оказалось, что группа придорожных строений вовсе не является населенным пунктом. Единственный двухэтажный дом, к которому стремился лейтенант, окружали приземистые одноэтажные постройки с выбитыми витринными окнами, – наверняка это был минимаркет, совмещенный с рестораном быстрого обслуживания, а чуть дальше смутно виднелись плоские крыши нескольких, отдельно стоящих домиков небольшого кемпинга, огороженного разбитым бетонным забором. Эти мимолетные, обрывочные наблюдения, наводящие на мысль, что тут до оккупации проживала семья кувейтского бизнесмена, скользили на периферии сознания, которое в этот миг сосредоточилось на иных, более острых ощущениях. Герберт бежал, расходуя последние силы, он задыхался, резь в груди казалась нестерпимой, организм, не приученный к моментальным физическим нагрузкам, не выдерживал ритмики боя, хотя вряд ли происходящее вокруг можно было обозначить таким емким термином.

Нет, это был не бой, – разрозненные группы людей, перемещались по определенному пространству, одинаково дезориентированные внезапной артподготовкой, дымом от горящих нефтяных скважин и усилившейся песчаной бурей. Сталкиваясь лицом к лицу, они вступали в скоротечные кровавые схватки, или же просто расходились, не заметив друг друга из скверной видимости... Остатками иракского подразделения и уцелевшими бойцами армии США руководили не планы наступления и обороны, не тактика, не воля командиров, а единственное желание – выжить.

Это удавалось далеко не всем. Герберт не мог с точностью сказать, сколько человек поднялись вслед за капралом, но в прорехах стелящихся вдоль самой земли пылевых облаков он видел, как справа от него внезапно упали двое солдат, подкошенные кинжальным огнем бьющего из мглы пулемета, а затем, неожиданно пришел и его черед...

Поначалу, когда что-то с силой ударило в бедро левой ноги, он почувствовал лишь жар, бежать стало трудно, потом мышцы не выдержали, колено бессильно подломилось, и он неловко упал на бок, по инерции прокатившись несколько метров.

Режущая боль пришла в тот миг, когда он взглянул на свою ногу. Ткань униформы в районе бедра оказалась распорота, будто по ней полоснули ножом, а из прорехи пульсирующим струйкой била кровь.

Он не вскрикнул, лишь сознание вдруг «поплыло», теряя остроту восприятия, но Герберт уже перешагнул некий внутренний порог, когда страх и растерянность истончились, отошли на второй план, под жестким прессингом стремительных событий. Лейтенанту казалось, что он утратил всякий осмысленный контроль над собственным телом, и не рассудок в данный момент руководил рефлексам, а наоборот, словно древние участки мозга, доставшиеся нам от первобытных предков, внезапно перехватили управление, заставив его машинально зажать рану рукой, и ползти, теряя остатки сил на последних метрах, отделявших Герберта от спасительного укрытия.

Дверной проем здания был перегорожен рухнувшими обломками перекрытия, но Ричардсона уже не могли остановить подобные преграды, – протиснувшись в зазор между двумя сложившимися «домиком» плитами, он оказался внутри длинной сумеречной комнаты.

Нервное напряжение не отпускало, тело по-прежнему лихорадило, словно у него начался жар, бедро пульсировало нестерпимой болью, но, тем не менее, он прополз еще пару метров по захламленному полу, прислонился спиной к уцелевшему участку стены и только тогда оглядеться вокруг.

Зрение постепенно свыклось с сумраком, и он различил многочисленные брешы в стенах, троих бойцов, занявших позиции у перекошенных, осевших оконных проемов, и капрала Дугласа, который находился тут же: он опустился на корточки подле квадратного люка, очевидно ведущего в подвал дома. Судя по его тщетным попыткам открыть проход, тот оказался заперт изнутри, значит, в подвале кто-то был...

Рваные мысли не успели сложиться в голове лейтенанта в четкую картину понимания окружающей обстановки, – капрал внезапно выпрямился, и, отступив на шаг, вскинул «М-16», выпустив несколько очередей в район предполагаемого запора, а когда изрешеченный пулями люк вдруг с глухим звуком провалился вниз, то вслед его падению полетела граната...

Глухой взрыв заставил руины дома вздрогнуть: со стен посыпались остатки облицовки, сверху от провисшего железобетонного перекрытия со скрежетом обрушились несколько бесформенных обломков, а из квадратного проема в полу вдруг вырвались клубы сизого дыма, смешанного с белесой взвесью...

– Кто... там... был?... – Хрипло спросил лейтенант, глядя, как расплзается вдоль пола сизо-белое облако...

Дуглас обернулся.

Его лицо походило на тотемную маску смерти, – несколько свежих порезов обильно кровоточили, кожа плотно обтянула обострившиеся скулы, в глазах читалось бешеное, ненормальное выражение...

– Оттуда работал пулемет... – Выдавил сквозь зубы капрал. – Теперь мы в безопасности... – Добавил он, сплюнув на пол. – Если сидеть тихо, то, может, еще доживем до заката...

К Герберту постепенно возвращалось ощущение реальности.

Дым, сочащийся из подвального помещения, постепенно иссяк, вокруг воцарилась относительная тишина, нарушаемая лишь тонким, заунывным посвистом ветра, да невнятным шуршанием песка. Дуглас был прав, – иракцы вряд ли полезут проверять руины здания, и у них теперь появился реальный шанс отсидеться тут до подхода своих частей, которые должны были развернуть наступление от побережья вглубь территории Кувейта.

Бессильно отпустив оружие, Ричардсон, поморщившись от боли, посмотрел на наручные часы. Цифры в крохотном окошке указывали, что с того момента, как колонну обстреляла артиллерия, прошло всего лишь тридцать минут...

Пол часа... Он сидел совершенно опустошенный, необратимо изменившийся внутри, вся прошлая жизнь казалась сном, словно между двумя отрезками бытия пролегла неодолимая пропасть...

Его терзали жажда и боль, но сил пошевелиться уже не было.

Кaprал тем временем обошел весь периметр обширного помещения, осторожно выглядывая в проломы. Закончив, осмотр прилегающей к зданию местности он что-то тихо сказал трем бойцам и, отыскав взглядом Ричардсона, направился к нему.

Присев рядом он устало сообщил:

– Сзади разбитые позиции. Похоже, иракцы покинули их еще до окончания артобстрела. С твоим грузовиком все нормально. Лежит в обочине.

Герберт кивнул, судорожно сглотнув. После рывка через барханы его почему-то уже не так остро заботила сохранность груза и важность возложенной на него миссии, которая в сложившейся ситуации была явно невыполнима.

– Что с ногой? – Хрипло спросил Дуглас, обратив внимание на кровь.

– Не знаю. – Герберт болезненно поморщился. – Зацепило.

– Давай посмотрию. – Капрал уже опустился на колени, одной рукой вытаскивая десантный нож, а другой доставая индивидуальный перевязочный пакет.

Лейтенант счел за благо отвернуться. Он лишь услышал звук вспарываемой ткани да почувствовал вспышку жгучей боли, от которой хотелось заорать во все горло...

Стиснув зубы, он издал долгий мучительный стон.

– Ничего страшного лейтенант. – Успокоил его Дуглас, накладывая жгут. – Пуля прошла вскользь, считай, что просто сильно порезался... – Не смотря на это оптимистичное заявление, капрал, мельком взглянув на землисто-серое лицо Герберта, достал шприц-тюбик и сделал ему противошоковую инъекцию. – Все, можешь понемногу двигаться. – Заключил он, перевязав рану.

Минут через пять Ричардсон ощутил ненормальный, лихорадочный прилив сил. Боль исчезла, лишь тугая повязка на ноге сковывала движения.

Вокруг воцарилась относительная тишина. Дуглас со своими бойцами перешел в соседнее помещение, оставив лейтенанта контролировать полузасыпанный вход в здание. Некоторое время он сидел, вслушиваясь в тихий шелест песка, секущего по стенам постройки, да заунывный вой ветра, заплутавшего меж осевшими плитами разрушенного перекрытия, пока до слуха не долетел еще один звук: ему показалось, что он слышит детский плач...

Тихое всхлипывание исходило откуда-то снизу, и Герберт сразу же подумал про подвал дома, куда Дуглас на его глазах метнул гранату.

Скрипнув зубами, он привстал, и, припадая на раненую ногу, доковылял до квадратного проема, откуда уже перестал сочиться едкий дым.

Подвал был неглубоким – всего метра два, не больше. Вниз вела посеченная осколками, опасно накренившаяся лестница, но всхлипывание и стоны уже не грезились, они стали явственными, отчетливыми и лейтенант лег на пол, осторожно нащупывая здоровой ногой первую ступеньку.

...

Обливаясь холодным потом, Герберт все же умудрился спуститься вниз. Густой сумрак сразу же обволок его со всех сторон, лишь вдалеке у задней стены подвала сквозь маленькое окошко пробивался рассеянный свет. Прихрамывая и спотыкаясь, лейтенант пошел туда, прислушиваясь к внезапно наступившей тишине.

Неужели ему почудилось?

Добравшись до задней стены подвала, он остановился, озираясь вокруг. В тусклом свете, проникающем через узкое прямоугольное окошко, он увидел опрокинутую треногу крупнокалиберного пулемета, щедрую россыпь гильз на полу, и чуть дальше у выщербленной осколками стены – лежащие вповалку тела.

Их было пять или шесть – жуткое кровавое нагромождение изрубленной гранатными осколками плоти. Ричардсон в немом оцепенении смотрел на эту страшную картину, медленно осознавая, что перед ним не трупы врагов. Тело иракского бойца, облаченное в знакомую, песчано-желтую камуфляжную форму валялось поодаль, подле импровизированной амбразуры и опрокинутого пулемета, а здесь в углу подвального помещения собрались те, кого коалиционные силы пришли защитить от агрессии...

Это были жители Кувейта, семья, владевшая скромным придорожным комплексом. Похолодевший взгляд Герберта различал все больше подробностей, и от этого хотелось рухнуть на колени, закричать, потому что стоять, глядя на выразительные позы мужчины и двух женщин, которые в последний миг перед взрывом пытались закрыть своих детей, было попросту невыносимо...

Что же ты наделал капрал... – в отчаянии подумал Герберт.

В этот миг он снова услышал сдавленный всхлип.

Рухнув на колени, позабыв о боли, лейтенант лихорадочно отвалил в сторону мешковатое тело сорокалетнего мужчины, с ужасом приподнял невесомый трупик пятилетней девочки... и вдруг увидел, что из-под кровавого нагромождения тел на него смотрят полные слез глаза.

Таким лейтенанту Ричардсону запомнилось лицо войны, которое на всю оставшуюся жизнь вобрало в себя перекошенные черты двенадцатилетнего подростка, до дрожи похожего на своего мертвого отца...

Такое не увидишь с экранов телевизоров, это не может пригрезиться в самом тяжком кошмарном сне, пока не столкнешься с чем-то подобным воочию.

...

Герберт плохо помнил, как вытаскивал раненого ребенка из-под окровавленных тел, как поднимался с ним по шаткой лестнице и после, прижимая к себе дрожащее тело, орал на капрала Дугласа.

Сознание окончательно надломилось, не выдержав непомерного груза выпавших на его долю испытаний. Отчетливо запомнилось лишь одно: когда к вечеру на их позицию вышла прочесывающая окрестности мобильная разведгруппа британского спецназа, подросток до этого находившийся в состоянии шока, вдруг пришел в себя.

Его дрожащее тело до этого инстинктивно прижимавшееся к Герберту, вдруг напряглось, в покрасневших от слез глазах появилось жуткий, ненавидящий блеск, он оттолкнул лейтенанта, отполз на несколько метров и вдруг начал что-то кричать на непонятном языке.

Двое британских солдат подошли к нему, и пока один крепко прижимал подростка к полу, второй сделал ему инъекцию.

Тело мальчишки несколько раз выгнулось, и он внезапно затих.

Один из британцев, спускавшийся в подвал, вернулся оттуда с пачкой испятнанных кровью документов.

...Герберта и спасенного им подростка уже погрузили на носилки и несли к армейскому джипу, когда лейтенант заметил, что офицер, которому передали найденные бумаги, внимательно изучает их.

– Подождите... – попросил Ричардсон.

Жестом подзвав к себе командира группы спецназа, он спросил:

– Вы знаете арабский язык, капитан?

Тот кивнул.

– Здесь есть документы мальчика?

– Есть. Его зовут Алим. Алим Месхер. Вы не ошиблись лейтенант, в подвале погибли местные жители, прятавшиеся от артобстрела.

Ричардсон на секунду прикрыл глаза.

– Вы можете перевести, что кричал мальчик?

Капитан внимательно посмотрел на бледное лицо Герберта и спросил:

– Вы уверены, что хотите это знать?

– Да.

– Он кричал, что ненавидит вас. Еще он клялся отомстить всем американцам.

– Но это ошибка. Чудовищная ошибка.

– Он не понимает этого, лейтенант. И боюсь, не поймет никогда.

– Теперь он останется сиротой? Вы можете записать мне его данные, чтобы позже я мог разыскать Алима?

– Это ни к чему. Он будет переправлен в наш госпиталь, а затем, если не отыщутся родственники, британское правительство возьмет на себе заботу о его воспитании. Время лечит душевные раны, а хорошее образование способно сгладить ненависть.

– Хорошо если так капитан.

Офицер кивнул Герберту, мельком взглянул на соседние носилки, и жестом приказал своим бойцам – несите.

...

Через два месяца лейтенант Ричардсон выписался из госпиталя и одновременно подал рапорт об увольнении с воинской службы. Памятуя о словах британского офицера, он все же попытался разыскать мальчика, но, наткнувшись на глухое, неприязненное непонимание со стороны британских эмиграционных служб, в конечном итоге оставил тщетные попытки выяснить его дальнейшую судьбу.

Глава 2

Россия. Начало двадцать первого века...

...Шел две тысячи первый год.

Было девять часов вечера, когда «BMW» с Питерским номерами остановилась у подъезда пятиэтажного кирпичного дома, возвышающегося на окраине провинциального областного центра.

Справа от машины виднелась старая, заросшая травой спортивная площадка, зажатая между зданиями двух городских СПТУ. За ней в свете уличных фонарей поблескивало лужами уводящее за город шоссе, слева за трубами теплотрассы темнел пустырь, плавно переходящий во вспаханные поля.

Дом, перед которым остановилась машина, имел всего один функционирующий подъезд. Редкие квадраты освещенных окон демонстрировали скромный быт обитателей кирпичной коробки: лишь малая часть проемов имела шторы, большинство же до середины прикрывали пожелтевшие газеты, на фоне которых перемещались смутные силуэты людей.

– Общага что ли? – Посмотрев по сторонам, осведомился водитель «BMW».

– Угу... – Коротко ответил ему молодой, крепко сбитый парень, развалившийся на пассажирском сидении. – Гужатник.³ Сам в таком вырос. – Внезапно признался он.

– А что мы тут забыли, Серж? – Водитель погасил фары и, сцепив руки в замок, облокотился о руль. Тусклая подсветка приборной панели змеящимся бликом отразилась от массивной золотой печати на его пальце. – Дело сделали, – он повернул голову, пытливо посмотрев на своего спутника. – Пора бы домой мотать, пока местные менты не всполошились.

– Не всполошатся. – Успокоил его Сергей. – Дело есть... – Он задержал взгляд на освещенных квадратах окон, мысленно взвешивая какие-то внутренние, ведомые только ему «за» и «против», а потом, решившись, сказал:

– Саня, ты посиди, я скоро.

– Блин, Серж, куда тебя несет? – Неодобрительно покачал головой водитель, посмотрев на обшарпанное здание. Он уже настроился на обратную дорогу, и внезапная задержка у скобоченного подъезда унылой общаги показалась ему ничем не оправданной.

Давыдов как всегда со своими приветами. – Неприязненно подумал он. – Если перенапрягся, девочку там захотелось или водки, – это понятно, но не в таком же гадюжнике... Два, ну максимум три часа, и мы дома, в Питере, можно бы и потерпеть...

– Что тебя вдруг приспичило, там ведь вонь одна... – Вслух добавил он. – Детство в заднице заиграло?

Сергей, который уже взялся за ручку двери, повернул голову.

– Ты что, критиковать меня будешь? – Скупой спросил он, внезапно похолодев взглядом.

Его собеседник мгновенно осекся, заметив знакомый, не сулящий ничего доброго блеск, внезапно промелькнувший в глазах Давыдова.

– Нет, ну... – Попытался сгладить он свою необдуманную резкость, но Сергей оборвал его на полуслове:

– Тогда сиди, на хрен, и не рыпайся. – Глухо произнес он. – Мое детство – это такая вот засратая общага, а потом Чечня в девяносто пятом, – играла она у меня в заднице в новогоднюю ночь, пока ты шлюх по ночным барам зажимал в Питере...

– Ну, что ты звереешь-то сразу, в натуре!.. Я же не виноват, что у меня зрение...

³ Гужатник (жарг.) – Общежитие ГПТУ.

– Я не зверею. – Сквозь зубы ответил Давыдов. – А сказки про зрение оставь военкому. – Он немного помолчал, глядя в вечернюю мглу, что растеклась за забрызганным каплями дождя ветровым стеклом, и добавил, остыв так же быстро, как и зашелся:

– Друг у меня тут.

Тихо чавкнула дверца машины, в мутном свете уличного фонаря мелькнули черные полы пальто, скрипнула, а затем отрывисто хлопнула перекошенная мокрая дверь.

Подъезд, как и предполагал водитель «BMW», оказался вонючим и темным. Лестничные марши уходили ввысь, теряясь в густом мраке, флюиды, витающие в темноте, казались тошнотными: запах прокисшей мочи смешивался здесь с сомнительными ароматами готовящейся пищи, двери этажей, испытывающие постоянный прессинг со стороны возвращающихся домой подвыпивших жильцов, пропускали на лестничные площадки узкие полосы желтоватого света, проникающие через разломы в фанерных вставках, заменяющих давно выбитые стекла.

Сергей остановился на площадке третьего этажа, мельком взглянув на незамысловатые образцы граффити, перед которыми экстремальные выходы протестующей американской молодежи казались наивным детским лепетом. Самый безобидный образчик настенной живописи имел явный сексуально-политический оттенок и был снабжен поясняющей надписью: «Вот тут я вас видел». Где – становилось понятно из рисунка.

Хмыкнув в ответ своим мыслям, Давыдов толкнул дверь, и попал в длинный коридор, похожий на застенок изолятора временного содержания. Тусклые лампы, давно лишившиеся плафонов, горели тут через одну, озаряя нездоровым желтоватым сиянием замызганные коврики, небрежно брошенные на пол перед дверьми, ведущими в отдельные комнаты общежития.

Взгляд Сергея скользнул по номерным табличкам, невольно подметив многочисленные следы взломов, которым периодически подвергались незатейливые врезные замки, словно тут как минимум раз в неделю проходили учения армейского спецназа...

Ироничная мысль носила черный, горьковатый оттенок юмора, – на самом деле Давыдов отлично знал, как это бывает... Его детство и юность действительно прошли в похожем общежитии, и не было никакой разницы в том, что «родная» общага располагалась не тут, а в Питере. Смысл оставался один, и удручающая, многократно повторяющаяся адекватность подобных мест работала в унисон с памятью, возрождая в ее глубинах образ собственно отца, который, подвыпив, частенько ломал двери, только лишь потому, что не мог попасть ключом в замочную скважину...

Сергей встряхнул головой, отгоняя наваждение. Нервы и так были натянуты, но не от той «работы», что пришлось проделать пару часов назад, а от гнетущего ожидания встречи, которая по определению не могла принести никакой радости.

Злые растерзанные мысли безвыходно копились в рассудке, словно там прижился паразит, медленно высасывающий из души остатки человечности. Прав Саня... – подумалось в этот миг. – Мало мне своих проблем...

Давыдов сплюнул на пол и медленно пошел вдоль коридора. Он был в этом общежитии всего один раз, четыре года назад, и плохо запомнил номер нужной ему комнаты – не то тридцать семь, не то семьдесят три...

Нет... не вспомнить. Нужно спросить у кого-нибудь...

– Эй, мужик! – Он призывно и требовательно взмахнул рукой, заметив возникшую в конце коридора смутную тень.

Силуэт застыл, как вкопанный.

– Тебе, тебе говорю. – Повторил Сергей. – Иди сюда, дело есть.

Фигура, смутно различимая в полумраке, не решилась протестовать, сделав неуверенный шаг по направлению Давыдова. В этот миг в конце коридора внезапно распахнулась дверь и оттуда, вместе со светом вырвался поток бессвязной матерной ругани.

В плотном прокуренном сумраке за спиной обитателя общежития возникла еще одна тень, и Сергей, без интереса наблюдавший эту сцену, увидел, как вдогонку мужику, сомнабулически перемещающемуся вдоль стены, полетело что-то шуршащее, бесформенное.

– Куртку свою забирай, козел!

Голос был женским.

Мужик равнодушно подобрал брошенную вслед верхнюю одежду. Остановившись, он пошатнулся, обдав Давыдова мутным взглядом, с трудом удержался растопыренной пятерней за стену, и сипло спросил:

– Ну, чего тебе?...

– Антона Извалова знаешь? – Спросил у него Сергей. – Молодой парень, несколько лет назад из Чечни вернулся.

Обитатель общежития стоял, слегка покачиваясь на нетвердых ногах.

– Закурить есть? – Наконец сфокусировался он на фигуре в черном длинном пальто, которая казалась ему призраком.

– На. – Давыдов равнодушно протянул ему полупустую пачку «Camel». – Я спрашиваю, Антона Извалова знаешь? Мне нужен номер его комнаты.

На некоторое время в коридоре повисла гнетущая тишина, которую нарушали лишь невнятные, доносящиеся из-за дверей звуки, да сиплое дыхание пьяного обитателя общаги, взгляд которого медленно перемещался с пачки импортных сигарет на Давыдова и обратно, отражая вялый мысленный процесс.

– Извалов?... – Хрипло переспросил он спустя некоторое время. Антон?... – С нотками сомнения повторил он названное имя. – Это контуженный, что ли?!.. – Наконец осенило его, когда Сергей уже начал терять всякое терпение. – Знаю... – Утвердительно кивнул мужик, недоверчиво покосившись на сигареты. – Это мне?

– Забирай. Только скажи, в какой комнате он живет?

– А?... – Собеседник Давыдова опять начал выпадать из реальности, что-то бормоча себе под нос.

Прав был Саня, тупая это затея... – Вновь подумал Давыдов, хотя знал, что уже не повернет назад. Не в его привычках было останавливаться на пол пути, да и увидеть Антона нужно – это желание уже твердо оформилось внутри и как любая запавшая в разум мысль не даст покоя пока не будет осуществлена. О душе Сергей не вспоминал. От нее давно не поступало никаких позывов, и все что он делал, по большей части диктовал больной, истерзанный рас-судок, который порой помимо его воли искал горьких, зачастую ненужных встреч, уводил его в такие места, где остро оживали воспоминания, словно подсознание надеялось, ждало, что в какой-то момент очнется загнанная в угол душа, и тогда все пойдет иначе...

Тщета...

– Блин, мужик, я тебя по-русски спрашиваю... – Сергей начал заводиться. – **НОМЕР КОМНАТЫ АНТОНА ИЗВАЛОВА?!..**

Если бы не тошнотный запах, исходящий от собеседника, Давыдов взял бы его за ворот и пару раз тряхнул бы об стенку, для ясности мышления.

– А... это комната тридцать семь. – Тот, заметив неладное, тут же протрезвел на несколько секунд. – Но только ты это... Не трогай меня... Я пошел... А он контуженный... Ты к нему стучись сначала... – Он развернулся и нетвердой походкой направился назад, к той двери, откуда минуту назад вылетела его куртка. – Эй, Машка... Открывай, я курить нашел... – Вялый мужской кулак забарабанил в дверь. – Открывай, я кому говорю... – Через некоторое время что-то затрещало в конце длинного коридора, – очевидно, вылетал очередной, тысячный по счету шпингалет, но Давыдова совершенно не интересовала развязка этой сцены. Остановившись напротив двери с заляпанным краской номером «37» он прислушался.

Тихо бормотал телевизор.

Он постучал.

Из-за дверей не ответили. Сергей подождал минуту, потом опять постучался и, не удостоившись ответа, толкнул дверь. Она поддалась с неожиданной легкостью, и вдруг... в образовавшуюся щель, отскочив от истершегося порожка, с глухим, неприятным стуком, вылетела «эфка»...

Мышцы сработали машинально, без участия разума, на уровне рефлексов.

Граната еще выкатывалась в вонючий коридор, а он уже влетел внутрь комнаты, и застыл, вжавшись в простенок, с таким расчетом, чтобы не достало осколками через дверной проем.

Глухой ток крови в висках отсчитывал секунды. Одна... Вторая... Третья...

– Не взорвется. – Внезапно оборвал мысленный отсчет глухой голос, на миг перекрывший бормотание телевизора. – Это муляж. Принеси, а то пацаны увидят, утащат.

Вернувшись в комнату с ребристым муляжом «эфки» Давыдов еще несколько секунд привыкал зрением к густому сумраку, щедро сдобренному сизым, вонючим папиросным дымом.

Все оказалось много хуже, чем он предчувствовал...

Взгляд постепенно стал различать окружающие предметы, учитывая, что единственным источником света в тесной пеналообразной келье являлся черно-белый ламповый телевизор, экран которого таинственно мерцал рябью помех, – изображение на нем было смазанным, нечетким и только приглушенный голос звучал вполне внятно, естественно.

Шел выпуск вечерних новостей. По экрану метались смутные, искаженные тени.

– ...сказал, что основные силы боевиков после ощутимого поражения отходят в горы, пытаюсь использовать для отступления последние дни, пока на горных тропах и перевалах не лег снег...

Давыдов по-прежнему стоял у порога, внимательно вглядываясь в сумрак.

В призрачном свете серыми тенями выделялись немногочисленные предметы мебелировки. Диван у плотно зашторенного окна, две обшарпанные тумбочки казенного образца на одной из которых стоял упомянутый телевизор, встроенный шкаф для одежды с болтающейся на одной петле дверкой, а подле, небрежно прикрытый брошенной сверху газетой прямо на полу пылился старый, допотопный компьютер еще советского производства.

– Серега? Давыдов?!.. – Нарушил затянувшееся замешательство хриплый, знакомый, но странно изменившийся голос Антона Извалова.

Он звучал надтреснуто, словно был сломан.

Глаза уже полностью привыкли к густому сумраку, и Давыдов, резко обернувшись, различил, наконец, лежащего на диване человека.

Вернее, это была страшная пародия на человека.

– Антон... – В горле Сергея внезапно встал комок. Чувство было старым, уже позабытым, как и само понятие – «душа». Этот удушливый ком пришел из прошлого и мог быть порожден только им. Видел бы его сейчас кто-то из братвы, – не поверили бы, что Серж, может вот так стоять в нерешительности, а его лицо будет скомкано гримасой, в которой смешалось все: и сострадание, и злоба, и обреченное, отчаянное неприятие тех образов, что передает зрительный нерв...

Дежа вю...

Так было с сержантом Давыдовым лишь однажды, на улице Грозного, когда он увидел первый сгоревший танк и тела наших ребят – обугленные, наполовину высунувшиеся из люков...

Свою кличку, – Смерть – он получил уже на «гражданке» за способность в критические секунды опасных разборок вдруг уходить, ускользать из данности в свое прошлое, разительно меняясь лицом и поведением.

Такое выражение лица, что гримасой исказило черты Сергея, обычно означало одно: смертельный приговор его оппонентам. И тем более становилось странным, что сорванная крыша Давыдова в этот раз встала на место достаточно быстро и безболезненно.

Он просто оттаял взглядом, сделал шаг вперед и присел на край скрипнувшего дивана.

– Ну, здорово...

Рука, высунувшаяся из-под шерстяного одеяла, была худой, – почти одни кости.

Он пожал ее, встретил взгляд глубоко запавших глаз, и не смог вторично сглотнуть этот ком.

Несколько секунд они пристально смотрели друг на друга, а потом, когда костлявые пальцы Антона разжались, Сергей тихо укоризненно спросил:

– Ну почему так?... Мы же оставляли тебе деньги...

Извалов слегка пожал плечами в ответ.

Не зная, что делать, как сглотнуть застрявший в горле ком, Сергей огляделся, растерянно, зло. Заметив выключатель, он встал, щелкнул им, и комнату залил желтоватый свет сорокаваттной лампочки.

Голые стены. Потолок цвета слоновой кости с взлохмаченными нитями невесть откуда берущейся паутины, которая гнездится по углам, постепенно обрастая осадком никотина и пыли. Из мебели, как он успел заметить еще в полумраке, присутствовал лишь диван на двух силикатных кирпичах вместо утерянной ножки, да тумбочки с поцарапанной полировкой, на которых стоял старый черно-белый телевизор прибалтийского производства... и как завершающий штрих к картине полной, ничем не прикрытой нищеты – два укороченных костыля, прислоненных к подоконнику, а рядом – самодельные наколенники с присохшими следами уличной грязи...

Сергей не стал ничего говорить, – вернулся к дивану и сел, под жалобный скрип пружин. Он чувствовал, что Антон смотрит на него, как и тот мужик, – словно на привидение... Они оба испытывали в эту минуту одинаковую, болезненную неловкость, – какими бы разными, чуждыми на первый взгляд не показались два находящихся в комнате человека, обоим хотелось одного – помолчать, не произнося праздных, затертых слов, чтобы щемящая горечь, что всколыхнулась в сознании черной махровой стеной, немного поулеглась, возвращая способность дышать и мыслить.

Два русских парня.

Две судьбы, два разума пропущенные сквозь жернова войны, изжеванные искалеченные и сплюнутые за дальнейшей непригодностью.

Жизнь жестока. Она каждый день предлагает нам выбор, и все мы принимаем частные сиюминутные решения, не оглядываясь на то обстоятельство, что из частностей как раз и складывается Судьба.

Четыре года назад Давыдов действительно заезжал в это общежитие, вместе с ребятами уволившимися в запас. Антон, потерявший после ранения обе ступни, тогда только выписался из госпиталя, и в комнате над искалеченным сыном причитала мать. Гостей она приняла без радости, и встреча вышла неловкой, скомканной, скоротечной... Посидели от силы минут пять, оставили собранные в складчину деньги и ушли, подавленные, обескураженные, с чувством иррациональной вины перед Антоном.

Что изменилось за прошедшие годы?

Извалов прикурил папиросу и посмотрел на Сергея.

– Приподнялся? – Тихо спросил он, без тени упрека, зависти или злобы, – просто констатировал факт.

Давыдов лишь криво усмехнулся в ответ.

...

Апрель 1997 года. Санкт-Петербург...

Он хорошо помнил тот теплый апрельский день, когда сошел на перрон Балтийского вокзала.

Казалось – впереди вся жизнь, а призрак смерти, неотступно следовавший по пятам на протяжении многих месяцев, наконец, стигнул, истаял в прозрачном, звонком весеннем воздухе...

Все казалось Сергею обновленным, радостным, хотя мало что изменилось вокруг: все так же высилась в торце вокзала статуя Ленина, провожая взмахом чугунной руки, отъезжающие с привокзальной площади крытые грузовики с новобранцами весеннего призыва; на газонах, среди тропинок и вездесущего, оттаявшего из-под снега мусора, робко пробивалась трава, даже коммерческие ларьки остались на своих местах, ничуть не изменившись ни внешним видом, ни ассортиментом товаров, разве что цены ощутимо подросли...

Тем утром действительно грезилось, что начался отсчет новой жизни. Мысли шагающего по перрону «дембиля» были просты и бесхитростны, – он прошел через ад, выбрался из него живым, и что, спрашивается, может ожидать его в родном мирном городе, кроме сокровенного покоя и счастья, о которых он мечтал, вжимаясь в липкую грязь под остервенелым автоматным огнем на улицах Грозного?...

...Ему потребовалось всего лишь несколько дней, чтобы полностью избавиться от эйфории.

Дома все обстояло намного хуже, чем рисовало воображение. Отец и мать не работали, – завод, на котором трудились родители, окончательно обанкротился, и теперь они оказались безработными, влача жалкое существование за чертой бедности. Такая судьба постигла многие семьи, но Сергей, глядя на внезапно постаревшего отца, который уходил из дома рано утром, чтобы вернуться глубокой ночью пьяным до беспамятства, на мать тихо вздыхающую, и украдкой смахивающую слезы бессилия, воспринял происходящее как личную трагедию.

Все вокруг казалось неправильным, извращенным, словно он вернулся в совершенно иной мир. Жизненные обстоятельства шли в разрез с прежним воспитанием, маленьким опытом, который он успел накопить в душе до призыва в армию.

Первое правило, усвоенное Сергеем уже на войне, гласило: «нет безвыходных ситуаций, – есть люди не способные решать проблемы». Этот постулат, вскользь оброненный незнакомым спецназовцем в момент затишья между боями, помог ему выдержать быструю и болезненную ломку мироощущения, не позволив разуму втянуться в серый водоворот безысходных будней.

Спустя двое суток, не выдержав царящей дома обстановки, он сходил в военкомат, вернул себе паспорт, и, взяв диплом, полученный по окончании института, пошел устраиваться на работу.

Некоторые иллюзии еще не покинули рассудок. Он верил, что его профессия, избранная в далеком девяносто первом году и казавшаяся в ту пору не просто трудной, а почти что фантастической, теперь обязательно будет востребована и с легкостью даст ему желанный пропуск в новую жизнь, робкие, непонятные ростки которой пробивались повсюду, куда ни глянь.

И все же привычные доармейские стереотипы подспудно давили на сознание, поэтому Сергей, не раздумывая, пошел в бюро по трудоустройству, которое теперь именовалось громким, явно заимствованным названием «биржа труда».

Терпеливо выстояв длинную очередь, он вошел в кабинет, где за столом сидела пожилая женщина, похожая на строгую учительницу, и молча выложил перед ней документы.

Та взяла их, бегло просмотрела и подняла на Давыдова усталый, затертый от приема множества посетителей взгляд.

– Вы хотите найти работу по специальности, молодой человек?

Вопрос показался Сергею риторическим.

– Да.

– Хорошо... – Она протянула руку, взяла с полки несколько папок и стала пролистывать их, выписывая какие-то данные.

– Вот. – Она протянула Сергею небольшой список из пяти пунктов. – Это адреса фирм, где есть вакансии для людей со знанием компьютера. Попробуйте обратиться к ним напрямую. Но должна вас предупредить – не особо полагайтесь на свой диплом. Вы учились работать с вычислительными машинами советского производства, если не ошибаюсь, – она вновь взглянула на диплом, – с промышленными системами ЧПУ,⁴ а они радикально отличаются от персональных компьютеров, что поставляют нам с Запада в последние годы. Если по списку не найдется ничего подходящего, – приходите снова.

– Зачем? – Недоуменно спросил Сергей.

– Я поставлю вас на учет как безработного, для получения пособия. Может быть, мы сможем подобрать вам место дворника или сантехника.

– Нет, спасибо. – Сергей встал, забирая документы. – Я инженер-программист. Думаю, меня возьмут на работу.

...

На работу его не приняли.

Сергей побывал в пяти местах, и везде он наткнулся на одну и ту же непреодолимую преграду: электронно-вычислительные машины, установленные в офисах различных частных фирм, действительно радикально отличались от тех, работать с которым умел Давыдов.

Он ничего не понимал. Прошло всего лишь два года со дня получения диплома, а его знания, глубокие и прогрессивные на момент выпуска, оказались безнадежно устаревшими, никому не нужными.

Этому могли найти объяснение люди постарше, те, кто пристально наблюдал за окончательным падением «железного занавеса» и вел анализ хлынувшего на Российский рынок потока компьютерных систем, но для Сергея, который не имел никакого представления об эмпирическом законе господина Мура, все происходящее казалось тяжким сном.

Ему бы не спешить, разобраться в своих возможностях, осознать, что иные технические решения, как и чуждые сервисные оболочки, еще не отменяют ни логики алгебры, ни принципов программирования, но реальные неудачи воздействовали на него самым удручающим образом. Это был шок, с которым не смогло мгновенно справиться его сознание. В голове засели, прокручиваясь до тошнотворной бесконечности фразы той женщины, с биржи труда: «мы попробуем подобрать вам место дворника или сантехника»...

...Вконец измученный дневными похождениями, голодный, уставший, он забрел на пустырь промышленной зоны, в районе станции метро «Обухово». Последняя фирма, которую он посетил, располагалась как раз неподалеку, и Сергей, пройдя метров триста по направлению станции метро, просто присел на вросшую в землю железобетонную плиту.

Достав помятую пачку сигарет, он прикурил.

В душе медленно вскипала неосознанная злоба, будто время внезапно открутилось вспять, и он находился не дома, а там, на чужбине...

Или это родной город успел до неузнаваемости измениться за два прошедших года? Он не мог понять, куда подевалось государство, почему вокруг царит хаос, где каждый сам за себя, всякий выживает, как может, заботясь лишь о собственном существовании?...

Позже весь период девяностых годов по справедливости назовут «перестроечным лихолетьем», но для двадцатитрехлетнего парня, который, окончив институт, сразу же ушел в армию, а затем попал в горнило необъявленной войны, все происходящее вокруг казалось диким, не укладывающимся в рамки рассудка.

Воздушные замки если они и были, рушились, а что оставалось взамен им?

⁴ ЧПУ – Числовое Программное Управление.

По большому счету еще не произошло ничего непоправимого, но рассудок, истерзанный войной, уже неадекватно реагировал на царящую дома гнетущую обстановку, и болезненные неудачи прожитого дня...

...Начинало вечереть. Прозрачные весенние сумерки неохотно опускались на землю, голод уже притупился, сигаретный дым казался горьким, в душе было пусто и мутно...

Завтра... Завтра начну искать снова. – Подумал Сергей, делая глубокую затяжку.

Последняя попытка найти работу завела его вглубь промышленной зоны, расположенной на окраине города. Неподалеку вздымались конические трубы южной ТЭЦ, за пустырем темнели цеха асфальтового завода, к которому примыкал периметр расположенного прямо в черте города исправительно-трудового учреждения общего режима... Если смотреть вправо, то за пустыми коробками какого-то долгостроя можно было разглядеть первые огни в окнах высотных домов спального микрорайона. Все это смешивалось, порождая ощущение сюрреалистического контраста. Сергей смотрел на стремительно погружающийся в сумерки город, не осознавал, что прячет сигарету в ладони, чтобы со стороны не было видно ее огонька.

Задумавшись, он не слышал тихого, вкрадчивого шепота двигателей трех иномарок, которые с разных сторон въехали на пространство пустыря с намеренно погашенными фарами.

Давыдов очнулся лишь в тот момент, когда рядом, буквально метрах в десяти от него приглушенно хлопнула дверка машины, затем похожий звук повторился еще несколько раз и вдруг...

Он услышал голос:

– Дэнги привез?

Слух резануло кавказским акцентом, словно ножом.

Мышцы мгновенно окаменели, по телу вкрадчивой дрожью прокатилось задремавшее до порыбезумие...

Как будто долгий полный безвыходных мытарств день подспудно готовил его психику к мгновенному срыву...

Мышечный спазм прошел так же быстро, как и возник, а тело уже жило своей, неподконтрольной разуму жизнью, – он машинально и беззвучно сполз с наклонной бетонной плиты, присел на корточки и...

Рука ощущала сосущую пустоту там, где привыкла осязать успокаивающий вес автомата. Дома... Я дома... В Питере...

Бесполезно.

Он едва ли слышал, что пробормотал в ответ на заданный вопрос невидимый ему участник встречи, как слух опять резанул этот голос:

– За чем тогда позвонил? Чего лопочешь, свинья? – Эти слова сопровождал глухой удар, болезненный вскрик и характерный щелчок взводимого пистолетного затвора.

– Эй, погоди, Исмаил, это я звонил тебе на трубу! – Раздался еще один голос.

– Меня подставить хотели? МЭНЯ?

– Да подожди, урод! С тобой говорить по-человечески можно или нет?

– Нэт! Я говорю, – нэси дэнги, – значит нэси, или я буду на куски рэзать. Как вы своих свинэй рэжэтэ!..

– Ты, что обурел? Это ты мне говоришь?

– Тэбэ!..

– Я стрелу забил, чтобы договориться по-хорошему. Ты видно этого не понял. Твои проблемы, Исмаил.

В ответ раздалось лишь яростное, нечленораздельное мычание, затем оглушительно хлопнул одиночный выстрел из пистолета, вслед которому раздался истошный крик...

...Сергей не владел собой уже секунд тридцать.

За это время он успел обогнуть бетонную плиту, и появился на мизансцене событий в тот миг, когда сгущающиеся сумерки резанула короткая автоматная очередь.

В голове помутилось. Он не мог до конца поверить, что слышит и видит происходящее. Сознание протестовало, пытаясь заорать: это не Кавказ!..

Да это был не Кавказ. Это Питер, его родной город, практически – сердце России, но и тут слышен ненавистный акцент, а тьму рвут вспышки выстрелов. Значит, – война добралась и сюда, а быть может пришла отсюда, Сергею в тот миг было не рассуждений...

Прошло слишком мало времени с того момента, как он в последний раз нажимал на курок, удерживая в прицеле человеческую фигуру. Его рассудок и душа все еще пребывали там, в страшных кровавых буднях, поэтому он не задумывался над собственными действиями, совершая их скорее машинально, чем осознано.

Короткий прут ржавой арматуры, подобранный с земли, успокоил ладонь, пальцы до боли впились в холодный шершавый металл, впитывая его вес, он присел, ощущая как струиться по жилам кровь, и когда в метре от него из сгущающихся сумерек вынырнула фигура с АКСУ, Давыдов ударил, распластавшись в коротком стремительном рывке.

Ржавая сталь с хрустом пробила горло, выдавив булькающий сипящий вздох, а он уже вырвал оружие из обмякших рук, но тела не отпустил, крутанул его, прикрываясь агонизирующим чеченцем, будто щитом, и мгновенно сориентировавшись на небольшом пяточке, ограниченном бамперами трех иномарок, дал две короткие, прицельные очереди – одну в Исмаила, пытавшегося сесть в машину, а вторую в его подручного, который держал на прицеле четверых, застывших как вкопанные, молодых парней.

Когда отгремел последний выстрел, вокруг воцарилась оглушительная ненатуральная тишина, будто весь мир вдруг накрыло темным безмолвным саваном вечного покоя, но длилось это совсем недолго, – со стороны расположенной неподалеку «зоны» донесся надсадный звук ревуна, которому вдруг начал вторить назойливый ритмичный вой сработавшей тревожной сигнализации периметра.

«Ночь-12»⁵ завывала на всю округу, и Сергей непривычный к подобным проявлениям активности, на миг растерялся, оттолкнув от себя мертвое переставшее дергаться тело.

– Блин... Исмаила уложил... Твою мать, нам же теперь все, задница!..

Давыдов обернулся на голос.

В метре от него стоял рослый парень. Одет он был как-то странно, будто в театр собрался, или на похороны – все строгое, черное, деловое, только золотая цепь в пол пальца толщиной тускло отблескивает на шее...

– Это они пусть задницы готовят. – Хрипло обронил Сергей, не опуская автомата.

– Откуда ты взялся, на мою голову, стрелок?

– Сидел я тут... курил.

Тот хотел сказать что-то резкое, но взглянув в лицо Давыдова, вдруг осекся.

– Ты что, братан... из Чечни?

– Три дня как вернулся. – Ответил Сергей, ощущая, как вместо возбуждения вдруг накатил свинцовая усталость.

– Ладно. Уходим отсюда. Рядом зона, слышишь, сигнализация воет? Сейчас они ВРП⁶ расставлять начнут, тогда хрен вырвешься, это не менты, а срочники, им все по барабану... Давай в машину, стрелок, там разберемся... Может ты и хорошее дело сделал, но вот отвечать за него придется...

⁵ «Ночь-12» – система тревожной сигнализации, применяющаяся для охраны периметра исправительно-трудовых учреждений.

⁶ ВРП – Временный Розыскной Пост. Обычно выставляется на дорогах при возникновении чрезвычайных ситуаций.

...

Ответили.

После этого Серж и получил свою кличку – Смерть, но вырваться по факту «отдачи долгов» уже не смог, да и не хотел в тот момент... разум надолго застыло кровью, ощущения были уже не те, все выглядело жестче, страшнее, чем там, потому что происходило это дома, на тех самых Питерских окраинах, где он рос, бегал еще мальчишкой...

– Приподнялся, говоришь? – глухо переспросил Сергей.

Он сидел, широко расставив ноги, его взгляд застыл, сфокусировавшись в одной точке на засиженной мухами стене.

– Одет ты хорошо... Не обижайся.

Давыдов криво усмехнулся.

– Лучше скажи, как сам? – Задал он встречный вопрос.

– Нормально. На инвалидности. Пенсию получаю.

Сергей машинально взглянул на укороченные при помощи ножовки поцарапанные костыли, потертые наколенники из ободравшегося кожаменителя и покачал головой.

– Не надо грузить Антон. Мы же не чужие...

Извалов не меняя позы, дотянулся до полупустой пачки папирос и внезапно произнес, прикуривая:

– Знаешь, что сказала мне врачиха из ВТЭК? – Он чиркнул зажигалкой и голубой, трепещущий огонек на миг высветил страшную худобу его лица.

– Ну? – Машинально напрягся Сергей.

– Говорит – осторожнее надо быть на войне...

Давыдов лишь скрипнул зубами от бессильной злобы. Он многое мог сделать в этой жизни, но некоторые вещи до сих пор оставались неподвластны и непонятны ему. Например, – человеческое равнодушие, порой граничащее с откровенным, абсолютно необоснованным цинизмом.

– А где мать? – После непродолжительной, но тягостной паузы спросил он.

– Этажом выше. Живет там с одним мужиком, спиваются понемногу. – Спокойно, без эмоций ответил Антон.

Это было невыносимо. Неправильно.

Когда их, не объясняя причин, бросили на штурм Грозного, было страшно. Казалось, оттуда нет возврата, и самой великой, сокровенной мечтой не нюхавших пороха ребят было выбраться оттуда живыми.

Повезло. Выбрались. Выбрались, не предполагая, что разум навек остался там, среди кровавого хаоса беспорядочных ночных атак, а самое жуткое ждет впереди, на «гражданке», о которой мечтали отчаянно, сокровенно...

Вот она – мечта. Засиженные мухами стены, ободраный диван, а напротив – тусклые злые глаза, в которых жизнь переворачивается, снова превращаясь в войну.

Человеческое равнодушие, – словно заклятие, мысленно повторил Давыдов, понимая: именно оно сделало Антона настоящим калекой...

Машинально засунув руку в карман пальто, он наткнулся пальцами на холодную сталь «Стечкина», и в душе вновь заняла та остервенелая, последняя струна, что не оборвалась на далеком Кавказе...

Не зная, что говорить дальше, куда направить свой взгляд, как хотя бы на миг сбить растущее внутри чувство ненависти ко всему окружающему миру, Сергей порывисто встал, услышав жалобный скрип диванных пружин, и, сделав несколько шагов по тесной комнате, остановился подле старого, похожего на кучу хлама компьютера.

Угловатый монохромный монитор торчал из-под пожелтевшей газеты, словно грязно-белая черепная коробка ископаемого животного.

Сергей присел на корточки, приподнял пожелтевший газетный разворот, посмотрел на допотопную клавиатуру и вдруг остро вспомнилось все, начиная от рокового дня, когда он пытался устроиться на работу и заканчивая недавней поездкой «за бугор» на историческую родину корпорации «Майкрософт».

– Водка есть? – не оборачиваясь, глухо спросил он.

– Есть. – Ответил Антон. Свесившись с дивана, он на ощупь запустил руку в темные пыльные глубины, пару раз звякнул пустышками, а потом извлек оттуда початую бутылку «Столичной», которую берег вот уже несколько дней, будто предчувствовал, что у него появиться гость.

Сергей вернул на место газетный лист и присел на край опасно пошатнувшейся тумбочки, расположившись рядом с телевизором. Глядя, как Антон разливает водку в два стакана, он о чем-то напряженно размышлял, будто сам факт наличия в этой комнате старой электронно-вычислительной машины внезапно изменил ход его мыслей, направив их в совершенно иное русло, прочь от темной тягучей ненависти и невысказанного вслух отчаянного сострадания.

– Ты разбираешься в компьютерах, Антон? – Внезапно спросил он, принимая наполненный до краев стакан.

Извалов хмуро посмотрел на него, не осознав сути вопроса.

– Была когда-то пятерка по информатике. – Все же ответил он.

– А это? – Сергей кивком указал на пылящийся в углу комнаты «БК».⁷

– Баловался до армии.

– И как? Получалось?

Антон пожал плечами.

– Получалось.

– Так что ж ты его забросил? – Гнул непонятную линию Сергей, будто позабыв про полный стакан который держал в руке.

– А толку с него? – Грубовато ответил Антон. – Все «флопы» осыпались, а достать новые сейчас то же самое, что отыскать бивень мамонта. Дохлый он. Пробовал писать программы в системном мониторе... так, чтобы крыша окончательно не съехала, да бросил, – свет часто вырубают, а сохранить не на что... – Он немного помолчал, глядя в тот угол, где пылилась «Электроника», а потом добавил: – Давай, вздрогнули, чего держать позря...

Они выпили, но спиртное только усугубило внезапно воцарившуюся тишину.

Давыдов на глазах мрачнел, погружаясь в черный бездонный омут ведомых лишь ему мыслей и чувств.

– Собирайся, Антон... – Внезапно произнес он.

– Куда?

Сергей поднял на него мутный, свинцовый взгляд.

– Нечего тебе тут делать... Не нужны мы никому, кроме самих себя.

– Брось Серега. – Антон нисколько не запянул, только усилилась постоянно гложащая сердце тоска. – Я рад, что ты заехал, но... ни к чему. – Повторил он.

– Собирайся, говорю... – Рука в кармане бессознательно сжала рукоять «Стечкина». – Я тебя не в кабак зову. Уедем отсюда.

– Куда я поеду? – Антон красноречиво указал взглядом на прикрытые шерстяным одеялом обрубки ног.

⁷ БК – Бытовой компьютер. Здесь подразумевается модель «Электроника-11 м».

– Это не важно... – Давыдов полез за пазуху и вытащил из внутреннего кармана пальто мягкую, сложенную вдвое полиэтиленовую папку, содержащую какие-то бумаги. – Ручка есть? – Вскинув голову, спросил он.

– На. – Антон пошарил по подоконнику и протянул ему шариковую ручку.

Сергей расправил листы нотариальных бланков, нахмурился, потом вписал в специальной оставленной пустую строку фамилию, и вопросительно поднял взгляд:

– Паспорт получил?

– Да. – Антон абсолютно не понимал что происходит, но выяснить это не удалось. Давыдов странно менялся лицом и поведением, прямо на глазах за доли секунд внезапно трансформируясь в иного человека. Сейчас он сидел, сгорбившись над подоконником, который использовал вместо письменного стола, и свет уличного фонаря освещал его обострившиеся скулы, внезапно обозначившиеся на бледном лице.

– Диктуй данные. – Отрывистая фраза больше походила на приказ, словно время отключилось вспять, и они снова лежали за грудой битого кирпича в сыром промозглом полуподвале, без сна, еды, без связи и надежды, с последним, честно поделенным автоматным магазином... По пятнадцать патронов на ствол, – четырнадцать для «духов» и один, последний для себя...

– Ты лучше скажи... – Антон стряхнул наваждение прошлого, пытаясь понять, что пытается сделать Серега, но тот лишь хмуро выглянул за мутное стекло на мокнущую под дождем «BMW» и повторил:

– Диктуй, говорю.

Антон пожал плечами, потом дотянулся рукой до тумбочки, вытащил из ящика потрепанный ежедневник, в который был вложен паспорт, и молча протянул его Давыдову.

Сергей минут пять заполнял какие-то документы, затем перечитал заверенные нотариусом листы принтерных распечаток и обернулся к Извалову.

– Наливай. – Произнес он, пододвигая к Антону жалобно звякнувшие стаканы.

– Может, все-таки объяснишь, что ты задумал? – Вновь переспросил Извалов, машинально разливая остатки водки.

– Сейчас. – Сергей взял стакан, молча выпил, потом потянулся за пачкой «Беломорканала», что лежала рядом с пепельницей, и произнес, не то отвечая на заданный вопрос, не то просто высказывая накопившиеся внутри мысли:

– Прошлое сдохло Антон... Все, чему нас учили в школе – гнилая дрянь, а жизнь располагается нами по-своему. Ты калека, я... – он безнадежно махнул рукой, – короче сам понимаешь. – Он щелкнул пальцами по нотариальным бланкам, куда только что вписал фамилию Извалова. – Это документы на дом. Где-то тут у вас в глухомани.

– И что?

– Поедем туда. Документы теперь оформлены на твое имя. Мне давно была нужна точка вне Питера.

– База отдыха? – Криво усмехнулся Извалов. – Решил сделать меня начальником борделя?

– Нет. – Давыдов вдруг вытянул руки. Растопыренные пальцы мелко дрожали, и он некоторое время пристально смотрел на них.

– Нужно выплывать из этого дерьма... – Глухо произнес он, глядя на мелко подрагивающие пальцы. – Прошлое сдохло – повторил он, – а настоящего нет... Слишком много крови вокруг. Крови и мрази. – Он резко опустил руки и добавил, со второй попытки прикурив изжеванную папиросу. – Я ведь учился на инженера-программиста. Должен был разрабатывать новые системы ЧПУ. Диплом есть... все дела. – Он глубоко, жадно затянулся. – Я просто не смог вовремя понять, что будущее ЕСТЬ...

– И что с того? – Спросил Извалов, так и не сумев ухватить нить рассуждений Сереги. Вообще внезапный визит Давыдова и выпитая натошак водка оглушили разум, разбредили

душу, на время отбрав способность рассуждать здраво, и потому Антон лишь мрачнел, глядя на старого друга, откровенно не понимая ни цели его визита, ни смысла производимых действий. Он уже смирился, мысленно расставил все знаки препинания в вопросах своего бытия, и не ждал от жизни ничего кроме очередных гадостей.

Давыдов то же сильно изменился за прошедшие годы... К тому же он внезапно, без предупреждения и видимого повода появился на пороге убогой обители Антона, за какие-то пол часа полностью сломав медленное течение его моральной агонии, и сейчас Сергей казался ему призраком, существом из иного измерения... Неважно, что у двух судеб когда-то существовала точка соприкосновения, – за годы одиночества, которое по сути являлось медленной деградацией, Антон пришел к пониманию простой, но болезненной житейской истины: прошлое фактически ни к чему не обязывает, и вокруг нет людей, кто был бы искренне заинтересован в его судьбе.

Сергей по-прежнему молчал, глядя в пол, ворочая в голове свои тяжелые мысли, и Антон, не выдержав, тихо переспросил:

– Какое будущее, Серега?... – Он кивнул в сторону широкого подоконника, к которому была прислонена пара укороченных костылей, и добавил:

– Вот мое будущее и настоящее.

Давыдов выслушал его, даже не подняв взгляда, а потом внезапно высказался – глухо, односложно и непонятно:

– Компьютеры, Антон. В них заключено будущее.

Извалов поменял позу. Муть в голове на миг рассеялась, будто ее и не было, до того странно прозвучало это слово – «компьютеры». Не увязывалось оно с образом сидящего напротив Давыдова.

– Я не понимаю тебя... – Честно признался он, протягивая руку за папиросами. – Бизнес решил организовать?

Сергей криво усмехнулся.

– Нет. Бизнесом пусть занимаются другие. Я эту стадию уже проехал... – Он погасил папиросу, раздавив пальцами тлеющий уголек, и в упор посмотрел на Антона, не скрывая злого блеска в глазах. – Я говорю тебе не про приставки к телевизорам, которыми балуются детишки, а про настоящие компьютеры. Про технологии, способные вернуть тебе ноги, а мне отмыться от крови.

– Бред это все... – Извалов лишь безнадежно махнул рукой. – Насмотрелся ты разной фантастической дряни по телевизору...

– Я не смотрю телевизор. – Хрипло оборвал его Сергей. – Некогда. Да и не хочется...

Душевное равновесие, внезапно утерянное на пороге этой комнаты, никак не желало возвращаться, чувство обиды на жизнь, ощущение неправильности происходящих событий только усугублялись с каждой новой фразой. Сергей с трудом мог объяснить самому себе, почему он сидит тут, настаивая на непонятном для Антона разговоре? Из-за памяти? Но дань прошлому оплачивалась легко и просто, – вот бумаги на дом, в кармане деньги, и вся проблема, – сделать его деревенским парнем, дать глоток свежего лесного воздуха вместо прокуренной атмосферы этой комнатухи, обеспечить крышу над головой, нужно ли что-то еще? Конечно, нет...

Проблема заключалась в ином. Он давно и бережно вынашивал в истерзанном рассудке свою, ни разу не высказанную ни одному постороннему человеку мечту, истоки которой уходили корнями в тот теплый апрельский вечер, когда он, не сумев по-тихому отсидеться за бетонной плитой, уложил главу обосновавшейся в Петербурге чеченской диаспоры. Из-за его поступка в криминальном мире родного города вспыхнула короткая, но кровавая война, которую неожиданно для самих себя выиграли коренные питерцы...

Давыдов знал, сколько на нем крови. Он не строил иллюзий относительно своего статуса, ведь свято место пусто не бывает, – на смену одним отморожкам пришли другие, дележ сфер

теневого влияния продолжался, и в расход на кровавых стрелках пошли уже не люди с Кавказа, а свои, славяне... Как справедливо заметил один философ: «люди начинают войну когда захотят, а заканчивают – когда получится»...

Когда «получилось» для него уже было поздно что-либо менять. Кривая дорожка, куда свернул Сергей, быстро превратилась в проезжий тракт, и вел он в конечном итоге либо в «Кресты», либо на два метра под землю...

Сергей всегда оставался реалистом, и это качество здорово мешало ему жить. Он не пытался искать оправданий, утешать свой разум тем обстоятельством, что в кровавых разборках гибли потенциальные подонки...

Хотя, что таить: ему, пусть запоздало, но хотелось вырваться, потому и нет-нет, да и сходил с накатанной колеи, как, например, сегодня, с этим спонтанным визитом к Антону. Сергей сам не знал, что он ищет – остатки собственной души или все же реальный способ бегства, но, как оказалось, ничто не пропадает всуе... Накрытая желтым газетным листом «Электроника» вкупе с воспоминаниями и другими, произошедшими ранее событиями, вдруг сработала как заветный ключ, открывающий если не дверь в грядущее, то хотя бы указывающий направление, в котором следует двигаться, если он хочет хоть на йоту изменить свою жизнь, шагнуть за рамки своего злого, надсадного бытия...

Разные люди встречались на жизненном пути Давыдова, они оценивали его со своих точек зрения, но все, как один ошибались в главном: он никогда не был пешкой в чьих-то руках, и как бы не мотала его судьба, Сергей постоянно старался идти в разрез с ее течением...

Так было и год назад, когда он внезапно исчез, на две недели уехав за границу...

...

– Вы очень интересный человек, господин Давыдоф.

Разговор происходил в уютном комфортабельном офисе, расположенном рядом с демонстрационными павильонами одной из ведущих западных фирм, производящих компьютерную технику.

– Что во мне особенного? – Спросил Сергей, внимательно глядя на собеседника – грузного мужчину с аккуратной бородкой и рано наметившейся лысиной. За спинкой его кресла нервно переминался с ноги на ногу спешно вызванный переводчик.

Дейвид Робертс не выдержал и отвел глаза, тщательно подбирая фразы для ответа.

Что он психует? – Неприязненно подумал Сергей. – Ну, поднял я его раньше обычного, и что теперь? Вон переводчик кадыком дергает, словно его уже к стенке поставили. Странные какие-то. Нервные...

– Ваш прилет, господин Давыдоф, был для нас несколько... неожиданным. – Наконец, сформулировал свою мысль Дейвид. – Вы так заинтересованно и глубоко изучали вчера образцы нашей продукции, а сегодня вы кажетесь мне... – он опять запнулся, подбирая нужное слово, а затем внезапно спросил, отбросив натянутую вежливость:

– Вы разочарованы Сергей Дмитриевич?

Давыдов усмехнулся, глядя, как дергается кадык у переводчика.

– Это не так. – Ответил он. – Наоборот, я впечатлен, господин Робертс, но думаю, нам придется доработать схему поставок. Она не соответствует реалиям Российского рынка.

– Я не понимаю вас. – Робертс невольно подался вперед, навалившись рано обозначившимся брюшком на край стола. – Наша продукция отвечает всем мировым стандартам качества. Она прогрессивна и имеет огромный потенциал развития, – по мере разработки новых аппаратных средств и программных продуктов они смогут с легкостью интегрироваться в схему базовой модели, повышая ее характеристики. Сомневаюсь, что вы видели нечто подобное у себя дома, в России. Любой договор с нашими партнерами подразумевает открытие долгосрочного проекта, дающего постоянную прибыль за счет усовершенствования исходного продукта...

Давыдов понимающе кивнул.

– Вы правы, господин Робертс. Ничего, подобного вашей продукции я в России не встречал, однако принять стандартную схему поставок не могу. – Он потянулся за остывающим кофе, и в разговоре внезапно наступила напряженная пауза.

Робертс и два его компаньона ждали пояснений, но Давыдов некоторое время сидел в глубокой задумчивости, неосознанно барабанил пальцами по столу. Его мысли в данный момент явно витали далеко отсюда, но потенциальным партнерам по бизнесу такое поведение русского казалось как минимум странным. Робертс внезапно поймал себя на том, что непроизвольно потеет, глядя на отсутствующее выражение лица Давыдова, совершенно не понимая причин его раздумья...

Вообще русский (господин Робертс так и не решился назвать его «бизнесменом» даже мысленно) выглядел не просто странно. Хмурое, неулыбчивое лицо, отсутствие свиты секретарей, представителей менеджмента, экспертов-программистов, переводчиков... при наличии угрюмой решимости заключить сделку, и баснословных для американца сумм, которые Давыдов каким-то образом умудрился протащить через две границы в наличной валюте, превращали немногословного русского парня в сплошную, зловещую головоломку.

Зачем он накануне потребовал образцы программного обеспечения? – Мучительно пытался понять Робертс, исподволь поглядывая на Сергея. Покрасневшие глаза Давыдова ясно свидетельствовали о бессонной ночи, проведенной за монитором предоставленного в его распоряжение персонального компьютера... Неужели он сам пытался разобраться в перелагаемых его вниманию программных продуктах?

Дейвид Робертс зря напрягал свою логику и интуицию. Учитывая богатый опыт в совершении разного рода сделок, он еще мог с грехом пополам истолковать какие-то частности, но ему не дано было понять истинных мотивов, которые двигали поступками Давыдова. На самом деле вояж Сергея по крупным западным фирмам, работающим в сфере производства компьютеров, преследовал двоякую цель, и главным побудительным мотивом для него являлась вовсе не прибыль. Ни Робертс, ни кто-либо другой не могли заглянуть в почерневшую, обугленную душу Сергея, чтобы ужаснуться и понять: для него это была всего лишь очередная, заранее обреченная на провал попытка изменить собственную жизнь, уйти от бесконечной череды кровавых «разборок», начать собственное «дело», и как итог – стать другим человеком.

Выбор Давыдова определяла память о прошлом. Воспоминания постоянно вмешивались в его поступки, он бессознательно отматывал свою жизнь назад к исходной точке, но атмосфера будней, больше похожая на войну, перечеркивала большинство внутренних порывов. Он знал, – его не отпустят просто так. Уйти на «вольные хлеба» опять-таки стоило крови, но, прежде чем проливать ее, следовало остановиться, оглядеться вокруг, вытравить на время кровавую пелену, сквозь которую виделся мир...

Он уехал из страны, не понимая, что истовое желание перемен – это уже не здравый смысл, а скорее смертельная тоска, агония души и разума. За три года Сергей так и не научился абстрагироваться от собственных поступков, а помнил их, не сумев принять за истину расхожее утверждение о том, что деньги не пахнут.

Он был обречен, как случайный альбинос в стае черного воронья...

...«За бугром» его приняли как должно. Давыдов не разменивался по мелочам, – прежде чем ехать, он провел свой анализ рынка и пришел к закономерному выводу: если работать на перспективу, то его интересы должны лежать в сфере компьютерных и информационных технологий. Он видел, как за три года изменилась страна, но окончательным толчком в плане выбора, послужила тонкая, самиздатовская брошюра, которую он купил в газетном киоске и начал читать со скуки, во время очередной «командировки».

Шестисот километров пути между Питером и Москвой как раз хватило, чтобы бегло ознакомиться с ее содержанием, а знания, полученные еще на кафедре информатики и вычисли-

тельной техники, помогли Сергею не просто понять прочитанное, а глубоко проникнуть в смысл написанной популярным языком статьи, которая носила длинное, непонятное для несведущего человека название:

«Технологическая сингулярность, как ближайшее будущее человечества».⁸

Основной текст предваряла цитата из Роберта Винджа:

«В течение ближайших тридцати лет у нас появится техническая возможность создать сверхчеловеческий интеллект. Вскоре после этого человеческая эпоха будет завершена».⁹

Поначалу такое утверждение вызвало у Сергея саркастическую усмешку, но, чем дальше он читал, тем меньше оставалось у него поводов для скепсиса, и, всерьез задумавшись над обозначенной проблемой, он внезапно задал самому себе мысленный вопрос:

А где мое место в грядущем? Или таким как я должно быть все равно... Не доживем до 2015 года?...

Самиздатовскую брошюру он не выбросил, и, памятуя о ней, волей неволей начал при-сматриваться к тем реалиям, что демонстрировал Российский рынок компьютерных техноло-гий.

Признаков наступающей «сингулярности» он не заметил, но ясно понял свою собствен-ную роковую ошибку. Он мог стать нормальным, дееспособным программистом, стоило купить и перелистать пару самоучителей по работе с новыми для российских пользователей «опера-ционками».

Тоска и запоздалое раскаяние в собственных поступках толкнули его в эту поездку...

...За две недели, что Сергей провел за границей, знакомясь с продукцией потенциальных поставщиков, он увидел больше, чем могло нарисовать его воображение. Перед ним действи-тельно распахнулся совершенно иной мир, притягательный, шокирующий... мир в котором сконцентрировалось будущее, – под этим термином рассудок Давыдова подразумевал сумму компьютерных технологий, что демонстрировали ему западные производители.

Он непроизвольно сравнивал увиденное с реалиями своего жизненного опыта, и в душе росло убеждение – пройдет год, ну от силы два и поток новых технологий окончательно захлестнет Россию. Он смотрел демонстрационные программы, оборудование, и с горечью осо-знавал: в одну воду не войти дважды, и ему уже не суждено влиться в эту реку новой жизни. Такое по плечу лишь новому поколению, для кого персональный компьютер, мобильный теле-фон и всемирная сеть будут не открытиями, а обыденностью.

Давыдову хватило одной бессонной ночи, чтобы понять: три года назад он совершил ошибку, малодушно спасовал, сочтя достижения западного мира недоступными пониманию. Теперь он был твердо уверен, что сегодняшние подростки быстро адаптируются к стреми-тельно обновляющемуся потоку технических достижений, более того – они переварят запад-ные продукты, повернут по-своему, возьмут все лучшее и пойдут дальше, создавая свои Рос-сийские аналоги...

Эти мысли скользили где-то на уровне подсознания. Основной доминантой поездки все же оставалась горечь. Сергей ни на минуту не забывал, что ему всего двадцать пять лет, но психика, загнанная в узкие рамки, уже окоснела, и любой шаг в сторону приведет лишь к падению в пропасть...

Конечно, он мог создать сеть магазинов, отворить еще одну дверь в виртуальном «желез-ном занавесе», и получать солидную прибыль, но все это вдруг показалось бессмысленным. Жизнь поставила его вне будущего, он не мог погрузиться в новый мир, – война и жестокий

⁸ Andrzej Novosiolov «Технологическая сингулярность, как ближайшее будущее человечества». Ссылки на статью даны с согласия автора.

⁹ Вернор Виндж. «The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era» 1993.

«гражданский» быт уже отторгли разум в иную область реальности, а Сергею страстно хотелось не хоронить мечту, а воплотить ее...

...

Первым затянувшегося молчания не выдержал Робертс.

– Почему вы настаиваете на изменении традиционной схемы сделок? – Напрямую спросил он.

Сергей, очнувшись от глубокой задумчивости, поднял взгляд.

– Потому, господин Робертс, что я знаком с двумя аспектами проблемы: Во-первых, я программист, а во-вторых, мне известны все нюансы российского бизнеса.

– Да? И что подсказывает ваш опыт?

– Ничего утешительного. Бизнес-проект, которые вы обрисовали, обречен на провал. Ваша продукция, при ее несомненной конкурентоспособности, страдает одним существенным для России минусом: программное обеспечение фактически не защищено от пиратского копирования, а основной упор как я понимаю, делается именно на продажи программных продуктов, верно?

– Да это сложившаяся мировая практика.

– Россия – особенная страна. У нас уже подросло новое поколение очень умных, сообразительных ребят. Вы глазом не успеете моргнуть, как ваши сервисные оболочки и прикладные программные продукты будут разобраны по винтикам, адаптированы для нашего пользователя и спокойно оттиражированы где-нибудь в подвале.

– То есть как? – Дейвид не смог скрыть своего внезапного потрясения.

– Очень просто. – Ответил Давыдов. – Не надо рассматривать меня, как дикий монстра. Я всего лишь предельно ясно обрисовал проблему.

– Прошу меня простить, но в таком случае... какова цель вашего визита к нам? Мне казалось, что вы хотите заключить сделку, верно?

– Я по-прежнему хочу этого господин Робертс. Но вы должны в свою очередь усвоить сказанное мной, и тогда наш бизнес будет давать реальную отдачу. Я закупая у вас тысячи компьютеров, но отказываюсь платить за программное обеспечение к ним. Это понятно?

Американец надул щеки и отрицательно затряс головой, будто у него назревал приступ эпилепсии.

– Ладно. Я не тороплюсь. Возможно, у вас хватит прозорливости, чтобы понять – двухсотпроцентная прибыль, полученная от реализации «железа» с лихвой покроет все убытки от нереализованных программных продуктов. У вас есть время, чтобы подумать, я уезжаю только через неделю.

Робертс перестал, наконец, трясти головой.

– Вы поразительный человек, господин Давыдов...

– Нет. Я обыкновенный реалист.

...

Сделка так и не состоялась.

Из поездки он привез чувство непонятной обреченности и заставил себя забыть, похоронить мечту, в которой не оказалось места для него лично, опять с головой погрузился в мутный омут криминальных разборок... до тех пор, пока не перешагнул этим дождливым промозглым вечером порога общежития и не увидел Антона.

В прокуренном сумраке убогой комнаты, в нем вновь очнулись те мысли, но объяснить их Извалову не было никакой возможности. Он мог сделать лишь одно, – вытащить его отсюда, и дать возможность хотя бы попытаться войти в новую реальность.

Глядя на искалеченного, доведенного до полного морального и физического истощения Антона, он принимал спонтанные решения. Хотелось сделать так, чтобы этот неправильный мир треснул, и пресловутая дверь в будущее открылась, хотя бы для кого-то из их поколения.

Возможно, тогда и он успеет проскочить по ту сторону кровавого, полуживотного существования?...

– Я не могу передать тебе своих мыслей, Антон. – Наконец произнес Сергей, нарушая затянувшуюся, тягостную тишину. – Ты медленно загнешься здесь, меня посадят или пристрелят, и никто не поможет ни мне, ни тебе... если мы сами не позаботимся о собственном будущем. Деньги уже не решают все, поверь на слово.

– А что ты хочешь от меня?

– Чтобы ты уехал со мной, прочел одну самиздатовскую брошюру и попытался разобраться, насколько она правдива.

Антон ненадолго задумался, затем покачал головой.

– Я практически не разбираюсь в современных компьютерах.

Давыдов молча встал, подошел к запыленному «БК», сдернул с него газетный лист и произнес с непонятым ожесточением в голосе:

– Научись. Воевать мы то же не умели. Жизнь хороший учитель. У меня достаточно денег и я привезу к тебе не шлюх, как ты подумал, а настоящие, современные машины. Будешь осваивать все заново.

– И что потом? – Хмуро осведомился Антон.

– Потом? – Сергей вернулся к дивану, сел, вытащил из кармана пальто «Стечкин», долго смотрел на его вороненую сталь, местами чуть потертую и даже выщербленную в одном месте на самом срезе ствола. – Потом я утоплю его в лесном озере, соберу ребят и мы станем жить и работать иначе. – Наконец произнес он. – Я хочу уйти из этой реальности. Или изменить ее, но не теми методами, какими я вынужден действовать сейчас, понимаешь? Мне душно в этом болоте... А деньги и ствол... – Он вдруг покачал головой. – Это не пропуск в будущее, уж поверь...

Антон долго молчал.

Внезапное предложение Сергея казалось ему непонятым сиюсекундным бредом, но оглядевшись, скользнув взглядом по убогой обстановке своей комнатухи, он вдруг подумал, что терять ему, собственно, нечего.

– Я попробую. – Наконец ответил он.

– Вот и лады. – Сергей встал, не скрывая своего облегчения, нагнулся к Антону и легко поднял на руки его почти невесомое тело. – Пойдем отсюда... Я тебе такой компьютерный центр отстрою, что ни одному университету не снилось.

– Денег много? – Спросил Извалов, испытывая неловкость из-за своей ущербности. – Костыли мои не забудь.

– Не забуду. А деньги... – Сергей усмехнулся. – Ты не думай о них, ладно. Я же сказал, они не решают всех проблем. – Повторил Давыдов. – Смотри, головой не ударься. Двери запираем?

Антон только махнул рукой.

Глава 3

Соединенные Штаты Америки, январь 2001 года. Засекреченная военная база «Орлиное Гнездо»...

Двери кабины скоростного лифта бесшумно разъехались в стороны и четыре человека вышли в широкий, ярко освещенный тоннель.

Вокруг царила глухая тишина, в которой не ощущалось присутствия других людей. Трудно было представить, что над головой простираются обширные горизонты пяти секретных подземных уровней, оборудованных по последнему слову техники, а еще выше, словно исполинское маскировочное покрытие, вздымаются к небесам заснеженные хребты горного массива...

– Сюда, господа. – Сухо произнес генерал Уилсберг трем сопровождавшим его офицерам. Остановившись подле массивных модульных ворот, перекрывающих тоннель, он приложил ладонь к пластине сканера, и в огромном створе с невнятным шелестом хорошо отлаженных механизмов открылась массивная дверь в человеческий рост.

За метровой толщиной преграды тоннель продолжался, но теперь в его стенах появились боковые ответвления, в одно из которых уверенно свернул генерал.

Еще один пост автоматической системы доступа проверил полномочия Уилсберга, и четверо офицеров попали в обширное помещение, напоминающее своими интерьерами наспех выстроенное убежище времен разгара холодной войны.

Голые стены, никакой мебелировки, лишь в центре, занимая все пространство, от пола до потолка, вздымалась цилиндрическая конструкция. Судя по всему, цилиндр был полым, на это указывало несколько технологических люков и ряд смотровых отверстий, заполненных полупрозрачной стекловидной массой.

Никаких пояснительных надписей либо знаков, свидетельствующих о той или иной степени потенциальной угрозы, исходящей от производимых тут экспериментов не было, и трое офицеров, заранее осведомленные, что их ждет некая демонстрация, недоуменно переглянулись, ожидая пока Уилсберг введет их в курс дела.

– Итак, господа... – Генерал подошел к вмонтированному в стену небольшому пульту управления и коснулся нескольких сенсоров. Отреагировав на полученные команды, под полом помещения заработали скрытые механизмы: они открыли специальные сегменты, и подняли наверх четыре одинаковых кресла, расположив их напротив смотровых отверстий. – Прошу садится. – Уилсберг подал пример подчиненным и продолжил:

– Взгляните внутрь испытательной камеры.

Офицеры послушно подались к небольшим окошкам.

Они наверняка ожидали увидеть какие-то сложные механизмы, но их взглядам предстала лишь округлая плита, плотно состыкованная со стенами, на которой располагались две вертикальные пластины из невзрачного темно-серого материала.

Единственное, что невольно задевало воображение, так это полутораметровая толщина стен испытательной камеры, и оптиковолоконная система передачи изображения, которую они поначалу приняли за обычные смотровые окна. Такая степень защиты предполагала, что внутри толстостенного цилиндра должны протекать высокоэнергетические процессы, сопряженные с определенным риском для наблюдателей.

Впрочем, все домыслы развеял Уилсберг, приступив к пояснениям:

– Как вы уже поняли, мы находимся в лаборатории с экспериментальным стендом. Сейчас я проведу демонстрацию некоего процесса, а затем вы сможете задать мне вопросы по существу, но перед этим я бы хотел напомнить, – по окончании нашего разговора никто из вас уже не сможет свободно покидать пределы военной базы.

– Мы уже обсуждали данный аспект, господин генерал. – Негромко напомнил майор Керби.

– Да, Алан. – Кивнул в ответ Уилсберг, хотя никто из офицеров, чьи кресла были расположены в диаметрально противоположных точках, не мог видеть его жеста. – Однако действие ваших обязательств не лимитировано во времени и может возникнуть ситуация, когда вам придется прожить в условиях подземных уровней не один месяц и даже год. Поэтому я напоминаю, – у вас есть еще одна минута, пока автоматика готовит образец. Учитывая, что лейтенант Поланд являлся до вчерашнего дня гражданским специалистом, а капитан Даллас призван из резерва, есть смысл взвесить степень своей моральной готовности. Еще не поздно встать и уйти.

Минута, отпущенная генералом для принятия окончательного решения, прошла в гробовой тишине.

– Отлично. – Подытожил молчание своих подчиненных Уилсберг. – В таком случае приступим. Вы можете спокойно наблюдать за происходящим, никакой угрозы для жизни нет, процессом управляет компьютер, а сама камера уже прошла обкатку...

– Внимание. Начало процесса через десять секунд. – Раздался в скрытых динамиках системы оповещения компьютерный голос, и одновременно от свода камеры к предметному столу начали опускаться механические манипуляторы. Если офицерам, напряженно следившим за происходящим не изменяло зрение, то два клешнеобразных захвата удерживали обыкновенный угловатый обломок бетонного щебня, с торчащими в разные стороны огрызками поржавевшей арматуры.

Все происходило предельно просто, и в то же время эффект от демонстрации опыта граничил с шоком...

Опустившись на определенную высоту, манипуляторы остановили свое движение, клешнеобразные захваты разжались, «уронив» бетонный обломок точно между вертикально поставленных пластин.

Внутри камеры полыхнула ярчайшая, нестерпимая для глаз вспышка, которую компенсировали специальные светофильтры. Она длилась доли секунд, оставив после себя лишь ровный слой белесого праха, равномерно распределенный между двух ничуть не пострадавших пластин, да вишневое сияние нагретой до сотен градусов внутренней облицовки испытательной капсулы.

Бетонный обломок попросту испарился, выделив при этом громадное количество энергии!..

На некоторое время в лаборатории воцарилась глубокая тишина.

– Что это было?!.. – Наконец произнес лейтенант Поланд, который первым сумел побороть шоковое воздействие от увиденного.

Генерал ожидал подобного вопроса. Свое потрясение он уже пережил две недели назад, и потому теперь мог говорить достаточно спокойно и сжато, называя вещи своими именами:

– Перед вами рабочая модель конвектора вещества, принципиально-новый источник дешевой энергии, способный удовлетворить все нужды человечества на ближайшее тысячелетие. – Ответил Альберт Уилсберг, вставая из своего кресла. Генерал неторопливо прошелся по широкой дорожке вдоль закругляющегося периметра стен лаборатории, наблюдая откровенное потрясение, ясно читающееся во взглядах подчиненных, и продолжил:

– Никто из вас, наверняка, не слышал о недавней аварии на Международной Космической Станции «Альфа»?

Ответом генералу вновь послужила тишина.

– Это вполне естественно, учитывая, что по взаимной договоренности между нашей страной и Россией факт возникновения нештатной ситуации был строго засекречен. Обратите внимание на две пластины, закрепленные в испытательном стенде. – Уилсберг остановился напро-

тив экрана, куда посредством миллионов оптоволоконных нитей передавалось изображение внутреннего оборудования камеры. – На орбите проводился эксперимент в рамках совместной Российско-Американской программы, направленной на создание новых сплавов. Я не уполномочен вдаваться в подробности, достаточно сказать, что материал может быть получен только в условиях невесомости, а его уникальные свойства проявляются лишь при строгом взаиморасположении двух отливок.

– То есть, открытие произошло случайно? – Осторожно уточнил Алан Керби.

– Да, майор, вы абсолютно правы. – Кивнул Уилсберг. – Никто не мог предположить, что у нового сплава проявится внезапное свойство: при сближении пластин между ними в определенный момент возникает сильнейшее магнитное поле, которое способно разрушать кристаллические решетки большинства твердых веществ. При этом как вы видели, происходит огромное выделение энергии.

– Состав сплава не комментируется?

– Нет. В такие подробности я не посвящен. – Ответил генерал. Для нашей с вами работы достаточно знать, что в момент «утилизации» возникает световая вспышка, а температура внутри конвектора колеблется от пятисот до тысячи двухсот градусов, в зависимости от химического состава помещенного меж пластин вещества. После разрушения молекулярных связей остается совершенно безопасная с экологической точки зрения пылевая субстанция.

– Габариты устройства могут быть минимизированы? – Спросил капитан Даллас, скользнув взглядом по закругляющимся стенам защитной капсулы.

– Да. – Подтвердил Уилсберг. – Существует критический порог размера пластин, – их можно уменьшить приблизительно в два раза, да и сам испытательный стенд имеет избыточный запас прочности.

Даллас что-то прикинул в уме, а затем задал еще один вопрос:

– Вы хотите сказать, что подобное устройство, при условии создания эффективной термической и магнитной изоляции зоны конвекции, может быть реально внедрено в существующие на сегодняшний день механизмы, например автомашину, танк, самолет?

– Безусловно. – Кивнул генерал. – Но суть проблемы состоит не в этом. Открытие подобного сплава с его уникальными свойствами могло бы дать нашей стране качественное превосходство над любым потенциальным противником, однако, напомним: продемонстрированный вам эффект спорадически возник при совместном эксперименте, и, как следствие – русские владеют сейчас той же информацией, что и мы. Пока нам удалось достичь взаимной договоренности о строгом сохранении тайны, но, безусловно, коллеги из России не преминут воспользоваться компактным и неистощимым источником энергии при разработке следующего поколения боевой техники.

– Генерал, вы подводите нас к мысли о начале нового витка гонки вооружений? Мы возвращаемся к временам холодной войны? – Спросил Поланд.

– На этот вопрос трудно ответить однозначно. – Произнес Уилсберг. – Ситуация может принять любое развитие.

– Но, господин генерал, если мы изначально лишены монополии на эксплуатацию конвектора, не проще ли рассекретить его, выбив тем самым все козыри из рук вероятного противника?

Уилсберг обернулся, пристально посмотрев на Хьюго Поланда.

– Здесь нет места глупцам, либо космополитам, лейтенант. – Резко ответил он. – По-вашему что произойдет с человечеством, если мы решимся на подобный шаг? Вы, верно, забыли, какие финансовые потоки ежедневно проходят через нефтяные компании различных стран? Бюджет США так же зависим от нефтедолларов, как ваши легкие от запаса воздуха в этой комнате. Взорвать мир, посеять хаос и нестабильность очень просто, но, если случится нечто подобное, загнать ситуацию назад уже не сумеет, ни отдельно взятая держава, ни все

мировое сообщество в целом. Конвектор – это государственная тайна. Одно лишь упоминание о нем, как о реально существующем устройстве, способно вызвать обвал на финансовых рынках. Именно поэтому все эксперименты будут проводиться здесь, в обстановке строжайшей секретности, и никто из вас не сможет покинуть пределов базы до окончания исследований.

Лейтенант Поланд хмуро выслушал отповедь Уилсберга.

– Я понял свою ошибку, сэр. – Глухо произнес он.

– Я рад, что вы способны на это. – Генерал ободряюще похлопал Поланда по плечу и добавил:

– Нам будет очень трудно на первых порах, но надеюсь, мы справимся. А теперь господа, давайте перейдем в мой кабинет, чтобы ознакомится со списком первостепенных задач, которые сформулированы перед нашей группой.

Группа генерала Альберта Уилсберга формировалась отнюдь не случайным образом. Никто из офицеров не представлял, какую титаническую работу проделали в ЦРУ и ФБР, чтобы отобрать из внушительного списка кандидатов трех наиболее компетентных и благонадежных специалистов.

Подготовка к сегодняшней демонстрации началась два месяца назад и происходила в обстановке строжайшей секретности, – на самом деле в операции под кодовым названием «FLASH» принимали участие сотни тысяч человек, но никто из рядовых исполнителей не имел ни малейшего представления об уникальном открытии и конечных целях экспериментов, запланированных для группы «Альберт». Все необходимое оборудование заказывалось в разных местах, исключительно для нужд гражданских учреждений и попадало в «Орлиное Гнездо» по длинной цепочке совершенно безобидных перемещений.

– Итак, господа... – Генерал Уилсберг сел за свой рабочий стол. – Прежде всего, я хочу, чтобы вы ближе познакомились друг с другом. Недопонимание и недосказанность между членами группы недопустима, поэтому я вслух зачитаю фрагменты характеристик из ваших досье. – Он посмотрел на вмонтированный в стол плоский монитор компьютерной системы и продолжил:

– Начнем с вас, майор. Насколько мне известно, вы принимали участие во всех боевых действиях, в которые, так или иначе, были вовлечены наши спецподразделения, начиная с 1969 года?

– Да. – Кивнул Алан Керби. – Я получил боевое крещение еще во Вьетнаме, сэр.

– Отлично. За три с половиной десятилетия службы вы с честью прошли множество испытаний, что сделало вас настоящим профессионалом. Теперь вы – наш главный консультант, группе на определенной стадии работ потребуется человек с вашим боевым опытом.

– Мы будем разрабатывать оружие?

По лицу Уилсберга пробежала тень неудовольствия.

– Нет, – покачал головой он. – Наша задача гораздо шире. Мы должны сформировать парк принципиально новой техники, в том числе и военной, разумеется. – Генерал на миг о чем-то задумался, а затем продолжил свою мысль: – Будущее, как выясняется, наступает гораздо стремительнее, чем предполагали самые фантастические прогнозы, а появление конвектора может послужить запредельным импульсом развития... Запомните, – Уилсберг смотрел на майора Керби, но его слова были обращены ко всем присутствующим, – запомните, господа: у нас достаточно оружия массового поражения. Его с избытком хватит, чтобы расколоть на куски земной шар, поэтому перед группой «Альберт» поставлены задачи иного плана.

Произнося эти слова, Уилсберг чувствовал, что ему, как и майору Керби, сложно выступать в новой роли, но им вольно или невольно придется учиться этому, заставляя свой разум оперировать непривычными для боевых офицеров категориями. Нечто подобное, вне сомне-

ния, происходило сейчас в России, противостояние казалось неизбежным, но конечный итог уже не исчислялся количеством либо дальностью полета боевых ракет...

– Гонка действительно началась. – После короткой паузы произнес он. – Но теперь акценты смещены в иную область. По сути, мы должны обеспечить качественный прорыв в сфере высоких технологий. Исследования в данной области проводились постоянно, на протяжении последних двадцати лет, и сейчас в нашем распоряжении есть ряд прогрессивных разработок, которым для успешной реализации не хватало двух компонентов – компактного, автономного источника энергии и универсального программного обеспечения. – Генерал повернул голову, взглянув на Ричарда Далласа.

– Капитан, вы начинали свою карьеру во флоте, где внедряли системы автоматического управления орудийными установками главного калибра. Ваш основной конек – сервомеханика, верно?

– Да, сэр.

– Почему вы ушли с военной службы?

– Я понял, что способен на большее. – Честно признал Даллас. – Меня не устраивала узость технических проблем, связанных с точным наведением на цель корабельных орудий. К тому же армейский консерватизм постоянно сковывал мою творческую инициативу, как инженера-механика.

– Что ж, могу заверить: тут вы сможете реализовать самые дерзкие идеи. Чем вы занимались после девяностого года?

– Я открыл собственное дело. Вам должно быть известно, что моя фирма разрабатывает сервомоторные системы по индивидуальным заказам.

– Да, такая информация есть в вашем досье... – Генерал коснулся сенсора, сменив текстовый файл на расположенном перед ним мониторе. Теперь его внимание сконцентрировалось на Хьюго Поланде.

– Лейтенант, когда вы начали программировать?

Хьюго нахмурился, пытаясь найти ответ в собственной памяти.

– Еще в начальной школе сэр... – внезапно покраснев, произнес он.

– Да, – соглашаясь, кивнул Уилсберг. – По моим сведениям вы обучались в одной из первых экспериментальных школ, где имелись компьютерные классы и была введена система электронного хранения данных вместо традиционных преподавательских журналов. Вы взломали школьную сеть и несколько... откорректировали свои отметки, верно? А чтобы подозрение не пало на вас лично, в компьютеры был запущен первый, известный на тот момент доморощенный вирус, который спорадически изменял значения в строках электронных таблиц на основе генератора случайных чисел.

– Да сэр...

– Хорошо, забудем о том скандале. Вы, талантливый программист, автор популярных приложений к операционной системе «Windows», сотрудник корпорации «Microsoft», вдруг бросаете престижную, высокооплачиваемую работу и начинаете все «с нуля». Почему?

– Я понял, что у электронных машин появился серьезный конкурент.

– Уточните. – Потребовал Уилсберг.

– Это нейрокомпьютеры, сэр. Я занялся изучением нейроподобных сетей, которым, как мне кажется, принадлежит будущее.

– Нужно сказать, что вы добились впечатляющих успехов на новом поприще. – Одобрительно кивнул Уилсберг. – Насколько мне известно, нейромодули, функционирующие на базе разработанных вами микрочипов, содержат десятки тысяч искусственных нейронов, которые организованы в сеть, способную обучаться решению нетрадиционных для обычного компьютера задач.

– Это не мое открытие. Нейромодули разработал Герберт Ричардсон, я лишь помогал ему на завершающей стадии работ...

– Это неважно. – Прервал его Уилсберг. – Для нашей группы были избраны вы. Кандидатура Ричардсона не прошла по причине его психологической неустойчивости.

– А вы в курсе, где он получил свою моральную травму? – Задал встречный вопрос лейтенант Поланд.

– Да. Это произошло во время операции «Буря в пустыне». – Ответил генерал. – Так или иначе, вам придется работать в одиночку, лейтенант, временно забыв о личных симпатиях и авторских правах.

– Да, это понятно. – Кивнул Поланд.

– Итак. – Уилсберг погасил монитор и машинально сцепил руки в замок. – Вы трое являетесь экспертами в разных областях человеческой деятельности. Если сложить ваш опыт, то мы получим ответ на вопрос: что должна сделать группа «Альберт»?

Генерал пытливо посмотрел на троих офицеров, ожидая пока кто-то из них даст собственную оценку последнему утверждению.

После короткой но напряженной паузы за всех высказался майор Керби:

– Я думаю, что перед нами стоит задача по созданию универсальных образцов робототехники, пригодной для многопрофильного использования. Учитывая мое присутствие здесь, возьмусь утверждать, что техническое задание включает в себя и боевое применение разработанных машин.

Уилсберг кивнул, посмотрев на Поланда и Далласа, но иных комментариев не последовало.

– Вы забыли упомянуть о нейросетях, майор. – Произнес генерал. – Проект «FLASH» предполагает создание автономных кибернетических механизмов, функционирующих на базе нейромодулей. Теперь, когда в нашем распоряжении есть адекватный источник энергии, остается лишь сочетать наиболее прогрессивные разработки в области сервомеханики и нейрокибернетики, чтобы получить желаемый результат. Задача сложная, учитывая отсутствие реального опыта в разработке подобных систем, но вы должны понимать: от успехов группы во многом будет зависеть будущее не только Соединенных Штатов, – успех или неудача проекта неизбежно повлияют на ход дальнейшего развития всей цивилизации в целом.

Произнося эти слова, генерал свято верил в то, что говорил. Ни он, ни внимательно слушавшие его офицеры не могли предугадать грядущих событий новейшей истории и тех необратимых корректив, что будут внезапно внесены в их собственное сознание...

Уилсберг жестоко заблуждался, полагая, что с окончанием «холодной войны» исчез основной источник мировой напряженности, и теперь его стране осталось лишь закрепить свои позиции, опередив остальные страны в области разработки высочайших технологий.

Россия. Где-то под Санкт-Петербургом...

Смешанный лес, окружающий деревню, невнятно шумел кронами. Подле опушки трепетали на легком ветру листья осин, отдельными рожицами вольготно расположились березки, глубже, за кустарником, высились мшистые столетние сосны.

Деревенские дома образовывали одну единственную улицу. Проселочная дорога уводила прямо в заросли, теряясь меж деревьев, да узкие проторенные людьми тропки вились между обработанными клочками земли, чтобы так же исчезнуть в заповедном лесу, который являлся основным кормильцем немногочисленного населения вымирающей деревни.

Именно сюда Давыдов привез Антона.

Как он и обещал, Извалов толком не обжился в бревенчатом доме, подле которого прежний хозяин успел установить импортный «ветряк», способный обеспечить электроэнергией всю деревушку, как из Питера приехали две бригады рабочих.

За месяц строители полностью преобразили дом, превратив добротный, конопаченный мхом сруб в винилопластиковый «евростандарт».

Вслед за ними прибыли иные специалисты. После их работы на крыше дома появились две грозди параболических антенн, а внутри в каждой из комнат, мутно отсвечивая погашенными мониторами, застыли компьютеры, связанные между собой в локальную сеть.

Антон до поры не прикасался к ним, – он прожил это время как сторонний наблюдатель, не радуясь наступившим в жизни переменам, а скорее не понимая их.

Единственным спасением от назойливого, а зачастую и предосуждающего любопытства соседей стала для него тонкая самиздатовская брошюра, которую оставил Сергей.

Большую часть времени пока велась реконструкция, Антон проводил в подвальном помещении, где старый известняковый фундамент заменила бетонная рубашка, поверх которой рабочие уложили импортную плитку, превратив сырой подвал в просторную, оборудованную разнообразной техникой слесарную мастерскую. Для чего, – он не понимал, но обстановка данного места идеально совпала с его внутренним состоянием, – тут было тихо, светло и безлюдно, немые станки не задавали вопросов, а шум строительных работ едва прорывался сквозь фундаментное перекрытие неясными, глухими стуками.

Он ждал приезда Давыдова, коротая дни в чтении. Поначалу он воспринимал свое занятие как спасение от скуки и неопределенности, но текст не мог восприниматься бездумно, и, прочитав первые несколько страниц, Антон был вынужден вернуться к началу...

Пытаясь вникнуть в смысл отдельных абзацев, он не заметил, как его разум начал постепенно выкарабкиваться из той пропасти, куда его столкнуло безысходное полупьяное существование, больше похожее на затянувшуюся агонию...

Теперь Антон, прочитав несколько строк, надолго задумывался, осмысливая прочитанное, пока перед ним не забрезжил смутный блеск той главной мысли, которую пытался донести до него Сергей.

Извалов никогда не думал, что печатный текст может так сильно воздействовать на воображение, открывая разуму новые, абсолютно неведомые до определенной поры понятия.

С появлением компьютеров человечество вступило в новую эру своего развития, когда каждый год приносил все новые и новые технические новшества, зачастую опережающие время, но Антон в силу обстоятельств был отрезан от данного аспекта реальности, и потому воспринимал содержимое набранных мелким шрифтом абзацев, как откровение:

«...В сущности, – писал автор статьи, – мы уже являемся сверхчеловеческими интеллектами, по крайней мере, некоторые из нас, кто умеет эффективно работать с компьютером. Слабыми и узкоспециализированными, но уже стоящими выше среднестатистического человеческого уровня. Если дать человеку компьютер с соответствующим программным обеспечением, он легко достигнет высших результатов в существующих IQ-тестах. Программы-словари и интерактивные переводчики позволяют человеку, не очень хорошо знающему иностранный язык, общаться на нем практически в реальном времени...»

Антон машинально перевернул страницу, прикурил, и стал читать дальше:

«...Я уже не говорю об объеме знаний, которые почти мгновенно оказываются в распоряжении человека, умеющего пользоваться поисковыми серверами в интернете...»

Он отложил статью, глубоко задумавшись.

Некоторые слова из контекста оставались недопонятыми, но общий смысл он воспринимал верно. Хотелось читать дальше, но разум, казался переполненным, до ощущения тупой назойливой головной боли... Мысли невольно сбивались с абстрактных рассуждений на реалии, хотелось понять, что увидел в этом Серега...

Антон представил образ установленных наверху компьютеров, и вспомнил, что Сергей упоминал о своем дипломе инженера-программиста, значит, он глубже разбирался в сути вопроса.

Смогу ли я? – Данная мысль подспудно беспокоила Извалова, исподволь формируя комплекс неполноценности. Чем дальше он читал, тем сильнее тянуло его наверх... но внутренняя неуверенность в собственных силах не давала ему решимости коснуться кнопки с надписью «Power», расположенной на ближайшем компьютерном терминале.

Вместо того чтобы подняться к электронным машинам, он продолжал читать.

Окрестности Санкт-Петербурга. Элитный дачный поселок

Человек сидящий в кресле у камина пристально смотрел на рассыпающиеся рдеющие угли, оставшиеся от сгоревших поленьев.

Ему еще не исполнилось пятидесяти лет, но сгорбленная поза, ранняя просесть в волосах и вечно зябнувшие руки, которые он машинально протягивал к тлеющим угольям, создавали обманчивое впечатление того, что перед богато инкрустированным очагом сидит старик.

Сергей знал, что это не так. И поза и машинальные жесты человека, который заставлял называть себя не иначе, как по имени отчеству, были данью пятнадцати годам, которые он провел на северных лесоповалах отбывая срок за убийство.

Наверное, точно так сидел на корточках, сгорбившись у костерка, грея свои грязные лапы... – Неприязненно подумал Давыдов, глядя в спину новоявленному «хозяину жизни».

– Я не понял Роман Петрович, зачем вы меня вызвали? – Вслух произнес он.

– Мне не нравится твое поведение Серж. – Не поворачивая головы, ответил тот. – Ты позволяешь себе много вольностей.

– Например? – Давыдов не испытывал страха, лишь сосущую под ложечкой злобу.

– Не надо дерзить. Я закрывал глаза на многие твои проступки. То ты срываешься за бугор, не предупредив никого, то отказываешься принимать участие в некоторых разборках, теперь же эта странная история с домом...

– Что Зяблик нашептал?

– Опять хамишь? Знаешь, что Саню уже не спросишь, и выкаблучиваешься?

– Я не выкаблучиваюсь. – Ответил Давыдов. – Меня посылали получить долг. Я привез деньги, всю сумму. К смерти Зябликова отношения не имею. Не участвовал.

– Вот именно, что не участвовал. И долг тебе отдали не деньгами, а недвижимостью, верно?

Сергей промолчал. Он не собирался вторично отчитываться за ту поездку.

– Это неправильно. – Не дождавшись ответа, произнес Роман Петрович. – Ты допускаешь вольности, а это опасно, особенно сейчас. Золотые времена беспредела прошли, работать становится сложно, а ты вносишь смуту, живешь не по понятиям Серж, и остальные видят это. Дурной пример – он заразителен, так что считай, что тебе сделано последнее предупреждение. Хрен с ним, с этим домом, но ты либо меняй шурупы в своей голове, либо... – он не договорил, внезапно надсадно закашлявшись. – Все иди, и помни, что я сказал... – Хрипло добавил он.

Давыдов не прощаясь, вышел.

В комнате от плотно зашторенного окна отделилась тень.

– Отвечаешь за него. – Так и не повернув головы, произнес хозяин особняка. – Я не расстроюсь, если Серж исчезнет. Он человек не нашего круга, это уже очевидно.

– Опасно, Роман Петрович.

– Боишься?

– Не Давыдова. – Смутная фигура приблизилась, материализовавшись в мятущихся отсветах тлеющих углей. – Серж имеет определенный авторитет. Братва может возмутиться.

– Так ты извилинами пошевели. Момент поймай, пусть все произойдет естественно. Я же не говорю, что он должен сгинуть сегодня или завтра. Только ты не тормози, – начнется пальба на каком-нибудь разборке, так не упusti момент. Пули-то они с разных сторон летают, а заговоренных среди нас нет. Вот так-то... В общем – действуй.

– Я понял Роман Петрович.

...Давыдов появился лишь спустя пару недель.

Незаметно подкралась осень, листья берез на опушках подернулись нежной желтизной, по утрам слегка подмораживало, а в воздухе летали невесомые паутинки.

Черный внедорожник марки «тойота» подкатил к дому ранним утром.

Сергей приехал один, все свободное место в багажнике и в салоне занимали различные коробки с иностранными маркировками.

Увидев Антона, который, опираясь на костыли, вышел на крыльцо, Давыдов подошел к нему, молча обнял, а потом, окинув беглым критическим взглядом видоизменившуюся постройку, произнес:

– Сейчас разгружу машину, потолкую с соседями, и приду. Сделай что-нибудь пожрать, со вчерашнего дня не ел. – Неожиданно добавил он.

Антон кивнул. Долгожданное появление Сергея обрадовало и насторожило его. Та непонятная жизнь, которую вел в Питере бывший сержант Давыдов, явно не шла ему на пользу. Осунувшееся лицо, глубоко запавшие глаза, нервные, отрывистые фразы, что срывались с его губ, ясно давали понять, что он балансирует на грани нервного срыва.

...Их второй и как оказалось – последний разговор был направлен на ту же тему. Сергей упорно не хотел касаться аспектов собственного бытия, уходя в сторону от прямых вопросов.

Вернувшись после визита в соседние дома, где доживали свой век бывшие работники лесхоза, он перенес на кухню привезенные коробки и сказал:

– Завтра приедут электрики. Они подключат линию к ветряку, чтобы в деревне был свет. Я посмотрел, проводка вроде бы сохранилась, да и мощности думаю, хватит.

Антон лишь пожал плечами, раскладывая по тарелкам нехитрый завтрак. Откровенно говоря, за истекший месяц он даже не пытался наладить контакта с соседями. Жителей лесной деревушки можно было сосчитать по пальцам, самому молодому из местных было лет шестьдесят, не меньше, и в сторону Извалова они смотрели косо, с недоброжелательным любопытством, не понимая, что за нувориш¹⁰ поселился в их глуши.

– Будь проще Антон. Я растолковал кое-что местным дедам, лезть к тебе они не будут.

– И что ты им сказал?

– Неважно. – Отмахнулся Сергей, налегая на вареную картошку. – Продукты пришлю вместе с электриками. – Добавил он, оценив скромные запасы Извалова. – Ты лучше скажи, книгу прочел?

– Да.

– Ну? – Давыдов на миг перестал жевать.

– Написано доходчиво, но... Знаешь Серега, мне все равно кажется – фантастика это.

– Упрямый ты... – Усмехнулся Давыдов. – Фактов не хватает? Не вериться? – Он откинулся на спинку стула. – Ты компьютеры включал?

– Нет пока.

– Ладно. Давай по существу. Что показалось тебе фантастичным?

Антон протянул руку взял брошюру и открыл ее наугад.

«Что даст нам бурное развитие вычислительной техники и формируемой с их помощью виртуальной среды, с точки зрения симбиотической системы, реализованной на уровне человек-компьютер»?

Он пробежал глазами по строкам и начал читать, вслух цитируя фрагмент статьи, где содержался ответ:

¹⁰ Нувориш (фр.) – буквально «новый богач».

«Практическое, субъективное бессмертие. Возможность быть во всех местах, куда протянута сеть. Огромное количество задач и проблем для исследования и решения – все захватывающе интересно, на все хватает времени и способностей: при необходимости всегда можно достроить себя, как программно, так и аппаратно...»

Сергей кивнул.

– Ты согласен с этими утверждениями?

– Нет. – Ответил Антон. – Может быть в далеком будущем, но не сейчас.

– Можно я докажу тебе обратное? – Давыдов протянул руку, взял привезенную с собой коробку и начал распаковывать уложенный в нее сверток. – Я ведь то же поначалу скептически отнесся к этой статье. По сути, она стала для меня толчком в поиске доказательств.

– Ну... и?

– У меня в машине установлен ноутбук. С выходом в интернет через спутник. Сам я машину вожу редко, поэтому во время поездок делать нечего, разве что глазеть по сторонам, либо спать. А ездить приходится много, иногда за тысячу верст от Питера. Вот я и начал коротать время, копаясь в сети. Там я нашел одно любопытное описание... – Он осторожно надрезал край вакуумной упаковки, намеренно не показывая Антону содержимое пакета, и продолжил:

– В прошлом году западными учеными был проведен эксперимент по соединению компьютерного чипа с живыми нейронами. Мартышке имплантировали микроустройство, которое постоянно снимало энцефалограмму мозга, распознавало ее и управляло установленным рядом манипулятором. В конце концов, в ходе эксперимента им удалось адаптировать микрочип таким образом, что он, получая электрические импульсы возбуждения от нервных клеток головного мозга, заставлял манипулятор в точности повторять движения лапы мартышки.

– Ну, и что дальше? – Напряженно спросил Антон.

Давыдов усмехнулся.

– Затем они провели достаточно жестокий эксперимент. Мартышке просто отрезали лапу, а на ее место имплантировали сервоприводный манипулятор. Результат превзошел все ожидания – микрочип продолжал исправно работать, и обезьянка смогла адекватно действовать вживленным вместо лапы механическим устройством.

– Впечатляет... Но насколько проверена эта информация?

Сергей вместо ответа выложил на стол содержимое свертка.

Антон, внимательно следивший за действиями Давыдова, непроизвольно вздрогнул.

На краю стола, таинственно поблескивая хромированными деталями, которые густо оплетали странные на вид пучки тросиков, лежали два протеза.

От вида металлических ступней, полностью имитирующих строение человеческого скелета, у Извалова вдоль позвоночника скользнула моментальная неконтролируемая дрожь.

– Это твои новые ноги. – Произнес Сергей.

Извалов, встал и, опираясь на костыли, обошел стол, не отрывая потрясенного взгляда от подарка.

– Нравится?

– Не знаю... – Откровенно покачал головой Антон. Смотреть на тускло поблескивающие протезы было и радостно и немного жутковато – уж больно необычно выглядело это чудо иностранных технологий, да и в рассудке уже прочно прижилась мысль о том, что ковылять ему на костылях всю оставшуюся жизнь...

– Не напрягайся. Просто примерь.

Антон был настолько взволнован, что не стал спорить. Сев, он отложил в сторону костыли, взял в руки протез, который являлся точной копией скелета стопы, с фалангами пальцев и сложным шарнирным соединением голеностопного сустава. Выше, располагался короткий металлический стержень, оканчивающийся шестью захватами.

Сергей, наблюдавший за реакцией Извалова, пояснил:

– Это японская разработка. Им так же удалось осуществить соединение нервных окончаний с нейрочипами, так что приведенный мной пример с обезьянкой – не единичный опыт. Видишь, – он указал на усеянную микроскопическими иголочками торцевую поверхность цилиндра, – эти контакты войдут в твою плоть. Здесь – он открыл крохотную заслонку на боковой поверхности стержня – гнездо для аккумуляторов. Как мне объяснили, микрочип будет подавать на вживляемые контакты слабые импульсы электрического тока. Твои нервные окончания со временем регенерируют отростки, которые густо оплетут места вживления игл. Таким образом, организм сам установит связь между центральной нервной системой и микропроцессорами. Тебе придется потерпеть на первых порах, а потом, когда установится стабильная обратная связь, будешь учиться заново ходить.

– А что это за тросики? – Спросил Антон, указывая на металлизированные оплетки, берущие начало в нижней части цилиндрической «кости», и оканчивающиеся жестким сочленением с фалангами искусственных пальцев.

– Это приводы, заменяющие мышцы. Внутри цилиндра расположены сервомоторы. Ими управляет отдельный нейрочип. Ты сможешь нормально ходить, шевелить пальцами, как только он обучится, начнет правильно распознавать импульсы возбуждения, которые передает твоя нервная система.

– А если мой организм откажется воспринимать контакты?

Давыдов пожал плечами.

– Для меня это темный лес, Антон. Я не знаток систем, построенных на базе искусственных нейронов. Специалисты фирмы-изготовителя заверили, что ими точно рассчитаны импульсы микротоков, стимулирующие рост нервных клеток. На установление контакта между протезом и центральной нервной системой потребуется время, поэтому пока что походишь, как на обыкновенных протезах, ну, а потом, даст бог, заработает и сустав, и пальцы... Время покажет.

– Спасибо... – Извалов был потрясен, растерян и не знал что сказать.

– Спасибо скажешь, когда бегать начнешь, – попробовал отшутиться Давыдов. – Здесь в упаковке пеноплоть. Искусственная кожа, если говорить проще. Ее можно будет закрепить, когда все механизмы начнут работать. – Сергей помог Извалову приладить второй протез, защелкнул захваты и добавил, взглянув на часы:

– Антон у меня времени в обрез. Дела. – Он достал из сумки бутылку «Смирнова», откупорил ее и заключил: – Я все-таки хочу вернуться к статье. Давай пропустим все, что там написано о преимуществах грядущего. Меня интересует обратная сторона вопроса.

Извалов кивнул, глядя, как Сергей перелистывает страницы текста, в поисках нужных абзацев.

– Вот Антон. Читай сам, чтобы было понятно.

Извалов скользнул глазами по строкам.

«Приятно мечтать о всеобщем счастье и красивом будущем, но переход к радикально иному образу жизни – это тернистый, рискованный этап развития человечества.

Достаточно мощные компьютеры и терабитные каналы связи не появятся у всех одновременно. Новые программные интерфейсы вряд ли сами загрузятся из сети, а пугающее новаторство имплантируемых нейронных модулей поначалу оттолкнет часть пользователей, в основном представителей старшего поколения... Мне видится достаточно реалистичной картина, когда в какой-то части цивилизации уже будут активно действовать продвинутые человеко-компьютерные системы, а все остальные (включая аборигенов в джунглях Амазонки) будут всё ещё жить по-старому.

Не питая иллюзий по поводу человеческой природы, я предвижу разнообразные проблемы: зависть ещё не присоединившихся; неоправданную надменность «продвинутых»; рели-

гиозный фанатизм; террористические акты, волнения и локальные войны. Будут поломанные судьбы и человеческие жертвы – это, к сожалению, почти наверняка.

А если вспомнить о нетерпимости радикальных течений, существующих во многих религиях, то вполне возможен сценарий, когда какая-то достаточно сильная группировка в страхе перед будущим попытается уничтожить, если не всю человеческую цивилизацию, то ее прогрессивные технические достижения...»

...

– Теперь тебе понятно, что меня зацепило в этой статье? – Хмуро спросил Сергей. – Пройдет десять-пятнадцать лет и часть нашего мира изменится до полной неузнаваемости. Произойдет вспышка, взрывообразный рост развития технологий, но при этом кто-то из нас сделает шаг в будущее, а кто-то останется в прошлом. Навсегда. И крови будет много больше, чем предсказывает автор. – Давыдов говорил, все больше мрачнея, погружаясь в черные глубины собственной логики. – Я исхожу из реалий дня сегодняшнего, Антон. На войне легче было, – там хоть с грехом пополам можно было определить, вот свои, вот чужие, а тут... – он махнул рукой – болото одно, где человек человеку волк. – Он выпил и добавил:

– Нет у меня ни времени, ни возможности, чтобы сесть тут в глуши и ждать грядущего... А пролезть сквозь игольное ушко хочется, понимаешь?

– Это я понимаю. – Кивнул Антон. – Но и ты не забывай, – я еще даже не включал привезенные тобой компьютеры. Не факт, что разберусь.

– А ты попробуй! Все мы лентяи и калеки вот тут, – Сергей выразительно похлопал себя по затылку, в который раз с горечью припомнив свое малодушное бессилие, испытанное много лет назад при виде незнакомых компьютерных программ. – Ну, а выбирать мне не из кого. – Признался он. – С тобой мы из одного котелка ели и для меня этого достаточно. Я просто хочу оказаться среди настоящих людей. – Сергей поднял взгляд на Вадима и тихо добавил: – Если доживу, конечно...

Извалов промолчал. Ему нечего было ответить на подобный монолог, который вызывал в душе лишь боль и чувство неодолимой горечи...

... Спустя четверть часа, Давыдову внезапно позвонили на мобильник и он, накоротко переговорив с неизвестным Антону абонентом, встал из-за стола, с явным намерением ехать.

– Уже?

– Дела... – Сергей спрятал мобильный телефон, потом вытащил из наплечной кобуры уже знакомый Извалову «Стечкин» и положил пистолет на стол.

– Зачем?

– На всякий случай. Сейчас по лесам разные «грибники» шатаются, а домик получился приметным. – Давыдов немного помедлил, а потом решительно встал и направился к выходу.

– Работай Антон, разбирайся, что к чему. – Обернувшись на пороге, произнес он. – И не пугайся нового, непонятного, – все в твоих силах.

– Когда приедешь?

– Не знаю. Как дела отпустят. Ты на меня не оглядывайся. Я справлюсь...

Затертая брошюра и пистолет системы «Стечкина» надолго остались для Извалова символами коренного перелома в жизни.

Две вещи символизировали для него переход из прошлого в будущее, резкий оборот судьбы, оставивший его в лесной глухомани наедине с компьютерами.

Несколько суток он так и не решался сесть за рабочий стол, – ходил по дому, придерживаясь одной рукой за стены, постепенно свываясь с протезами, которые ощущались им как статичные, непривычно-тяжелые, абсолютно чуждые организму приспособления.

Устав, он садился на диван и включал телевизор, бездумно глядя подряд все передачи, пока его не начинало неодолимо клонить в сон.

В тот роковой сентябрьский день, когда рухнули американские небоскребы, а тягучий бразильский сериал, транслируемый по каналу Общественного Российского Телевидения, был внезапно прерван экстренными выпусками новостей, Антон испытал очередной шок. Несколько минут он сидел с пультом дистанционного управления в руке, оцепенев от внезапности, а в голове крутилась одна и та же мысль: неужели все началось так скоро?!..

Несколько дней он, не отрываясь, смотрел выпуски новостей, наблюдая, как катиться по информационным каналам ударная волна от прогремевших взрывов, ломая устоявшееся мировоззрение миллиардов жителей Земли, в одних странах щедро роняя семена страха, ненависти и паранойи, а в иных открывая глаза слепцов, не желавших видеть той глобальной угрозы, с которой он лично сталкивался еще много лет назад в Чечне...

А ведь боевики еще тогда пользовались сотовой связью, переносными компьютерами и другими достижениями технического прогресса. – Отчетливо вспомнилось Антону.

Отчаянно хотелось увидеть Сергея поговорить с ним, но он уехал, не оставив ни адреса, ни номера телефона, ничего.

Он прожил остаток осени в мучительном, бесполезном ожидании, пока первый снег не лег на стылую землю.

Ранним морозным утром он проснулся, долго лежал в постели, а в голове крутилась назойливая, неприятная мысль: он не приедет.

Мысль граничила с кошунством, но Антон чувствовал – это правда.

Не выдержав растущего морального напряжения, Извалов резко сел в постели, спустил на пол босые ноги, пытаясь на ощупь найти тапки, и вдруг поймал себя на этом неосознанном рефлекторном действии.

Похолодев, он опустил взгляд.

Пальцы на правом протезе шевелились.

Встав, он подошел к окну, и долго смотрел, как медленно падает, укрывая землю первый снег, а потом, не позавтракав сел в офисное кресло за расположенным тут же в спальне персональным компьютером и включил питание.

...

Первое, куда погружается разум человека при свободном доступе к мощной «персоналке» это, естественно, мир игр, – он наиболее доступен, понятен и впечатлителен, для любого пусть совершенно неподготовленного индивида, чей палец однажды щелкнет кнопкой манипулятора «мышь» открывая себе вход в иную реальность.

Жестокие грезы, которые открывают страницы фантомного бытия, иная реальность, поначалу не находящая ассоциаций в окружающем, ослепительный водоворот образов, затягивающий сознание в глубь электронных вселенных.

Кажется – чем глубже, тем страшнее, труднее выбраться оттуда тем тоньше связь с реальностью натуральной, физической, когда под утро скрюченные пальцы отпускают истерзанную «мышь», перед глазами плавают муть усталости, а в прокуренном воздухе чудятся, витают образы, принесенные оттуда... затем путь до кровати, провальный сон, больше похожий на калейдоскоп футуристических стоп-кадров, потом свинцовая тяжесть в голове из-за короткого отдыха в неурочное время, и неодолимая тяга назад, к заветному монитору, с чашкой крепкого кофе в руках... но это только поначалу.

Психика сильного, логичного человека быстро адаптируется к виртуалке, целостные личности не распадаются и не «тонут», но у них прогрессирует иная болезнь – скука.

Очень быстро исчезает восторг. Психика не ломается, но пластично принимает в себя некоторые фрагменты несуществующего, начинает обостренно работать логика, и процесс вдруг меняет свое направление, протекая от обратного, ровно, наоборот: в очередной раз встав

из-за компьютера, ты смотришь вокруг и внезапно осознаешь – серая реальность будней ужаснее любой виртуалки...

Счастливы те, у кого есть множество обязанностей – повседневная жизнь, с ее неизбежным режимом: требовательная трель будильника по утрам, уход на работу, общение с друзьями и сослуживцами, – тогда процесс виртуальной ломки сознания растягивается на годы, становится гладким, обкатанным, в нем присутствует больше восторга, чем отчаяния, и эти терминны ничуть не преувеличены, ведь дозированная информация не теряет своей остроты, она впечатляюща, но полезна, – компьютерные миры развивают наш разум, не оглушая его постоянным прессингом, оставляя незаблемыми жизненные ценности, и личность как таковую.

Однако, кроме счастливиц, имеющих возможность периодически погружаться в мир грез, не прерывая при этом тесной связи с реальностью, есть еще три категории людей.

Первые, – это те, кто вообще не знаком с компьютером либо имеет откровенно слабые машины. Им не страшна виртуалка в глубинном понимании данного термина. Сознание таких людей не меняется, – ведь полное неведение, либо слабые эмоциональные впечатления не затрагивают глубинных устоев подсознания, на которых зиждется мировоззрение.

Вторая категория – это люди с раннего детства знакомые с компьютером и избравшие электронные машины спутниками жизни. По большей части они молоды, замкнуты в себе, скупы на общение, но именно из их среды формируются когорты профессиональных программистов, которым суждено предопределять будущее.

И, наконец, третья, наиболее нестабильная, опасная категория пользователей, – это люди не обремененные повседневной рутинной, имеющие свободный доступ к мощным домашним машинам, вкусившие и успешно разжевавшие все прелести виртуалки.

У них нет возраста, в данную категорию может попасть школьник в период летних каникул, супруга или супруг преуспевающего бизнесмена, пенсионер, всю жизнь занимавшийся интеллектуальной деятельностью и внезапно оказавшийся не у дел...

Их объединяет одно обстоятельство, – не имея четкой цели, кроме естественного любопытства и первоначального желания как-то скоротать избыток свободного времени, они полностью погружаются в виртуальную среду, часть из них «тонет» – становится остро зависимой от фантомных миров, их развитие останавливается, разум эгоистично требует новых впечатлений и в конечном итоге из них получаются легко раздражимые, несносные в житейском плане личности.

У подобного исхода есть две альтернативы. Первая заключается в полнейшем отторжении электронной машины, развития неприязни к ней из-за обыкновенной человеческой скуки. Такие личности скоро устают от завуалированной повторяемости фантомных миров, их разум быстро адаптируется к ним, и начинает страдать от недостатка впечатлений. На проверку происходит короткий, но глубинный экскурс в современную виртуальную среду с отрицательным анализом целесообразности подобного времяпровождения.

Однако существует последняя, опять таки неустойчивая, непредсказуемая «группа риска», в которой оказываются люди, подобные Антону Извалову. Как правило, до знакомства с электронными машинами, они уже стоят на жизненном перепутье, либо вследствие возраста, либо по причине произошедших ранее событий. Сознание таких людей проходит все градации виртуального падения в бездну, а потом натужно выкарабкивается оттуда, попутно испытывая уже упомянутую смертельную скуку, а затем, когда все остается позади, у этих людей возникает вопрос: что дальше?

Жить в серости будней уже невозможно, повторяемость, предсказуемость виртуалки приелась до тошноты, и тогда возникает естественный интерес к первоисточнику.

Законы Булевой алгебры становятся откровением, объясняющим сущность фантомной вселенной, информация по психологии быстро раскрывает еще один ряд закономерностей,

присущих живым участникам огромной, непрекращающейся ни на секунду игры под названием «жизнь».

Опять, уже не в первый раз возникает перепутье, и мучительный вопрос не находит приемлемого ответа, – где истина, в чем заключено понятие счастья, почему так легко отличить машину от прячущегося за фантомным образом человека?

Именно из этой категории людей, прошедшей все градации реального и фантомного миров, появляются одиночки, чей удел – хроническая бессонница, жизнь – поиск несуществующей истины, а окружающий мир всего лишь мозаика, сложенная из совмещенных между собой фрагментов двух вселенных.

Эти градации условны. Никто не вел статистического подсчета тех или иных групп, но глобальное воздействие компьютеров на наш разум, несомненно.

Три долгих зимних месяца ушло у Антона на то, чтобы, обложившись толстыми руководствами пользователя и самоучителями, освоиться с новой операционной системой, научиться общаться с компьютерами на «ты», как когда-то общался он с капризной «Электроникой»...

Прошла зима, затем минули два месяца весны, незаметно подкрался теплый, щедрый на солнце май, а Извалов, полностью погрузившись в виртуалку, будто не видел происходящего вовне.

За пять месяцев процесс самообразования, продвигавшийся с помощью книг, электронного «Help» и личного упорства, дал Антону ключ от глубинного понимания иного мира, и наступил день, когда он, пользуясь системой спутниковой связи, установленной на крыше дома при реконструкции постройки, смог осуществить свой первый выход в сеть.

Get online...

Поначалу два английских слова показались ему чуть ли не магической формулой, пропуском в параллельную Вселенную, но позже он свыкся с фактором перехода и для него началась совершенно иная жизнь.

Он медленно погружался в пучины информационных потоков, теряясь в массе противоречивых данных, где можно было отыскать ответ практически на любой вопрос, но любой найденное в сети обоснование могло в равной степени оказаться как глубоким научным трудом, так и откровенным бредом...

Поначалу такая двоякость сбивала с толка, но Извалов с упорством пытался постичь новый открывавшийся ему слой общечеловеческого сознания, и в конечном итоге его собственный разум научился отсеивать зерна истины от плевел амбициозных попыток самовыражения, и, начиная с неподдающегося исчислению момента перед Антоном на самом деле забрезжил свет той истины, которую интуитивно уловил Давыдов на страницах потрепанной брошюры.

Он делал свои первые самостоятельные шаги, еще не подозревая, куда заведут его разум информационные потоки нарождающейся на глазах параллельной вселенной...

Часть 2

Вспышка

Глава 4

Последние числа сентября 2001 года. «Орлиное Гнездо»...

В механической лаборатории уровня, где встретились генерал Уилсберг и майор Керби, царил стерильная чистота. Входя в помещение Алан по укоренившейся привычке, машинально взглянул на часы, отметив, что уже без четверти двенадцать. Длительное проживание под землей постепенно стирало ощущения смены дня и ночи, но если старшие офицеры могли позволить себе нелимитированный рабочий день, то рядовой персонал, включая техников из числа вольнонаемных специалистов, придерживался строгого распорядка. Наверху сейчас царствовала ночь, и все помещения были пусты, – рабочая смена отдыхала, лишь на постах у переходов из сектора в сектор дежурили часовые.

Генерал Уилсберг ожидал его, нервно расхаживая по широкому проходу меж вращающихся сборочных платформ, на которых возвышались неприятно отсвечивающие металлом эндоостовы машин нового поколения. Стоило зайти сюда, чтобы понять, как много гениальных природных решений, доведенных до совершенства процессами миллионолетней эволюции, заимствовал человек для создания своих механических устройств.

Первое впечатление майора было неприязненно-обманчивым, наводящим на мысль о небольшой коллекции палеонтолога-любителя, реализованной в металле и пластике...

Наблюдавший за его реакцией генерал криво усмехнулся.

– Алан, не делай такого выражения лица.

Керби обернулся.

Обмениваясь рукопожатием, майор мысленно подметил, как резко постарел Уилсберг за три недели, которые он провел вне секретных подземных уровней. Да и сама лаборатория радикально видоизменилась, – когда Керби был тут в последний раз, большинство сборочных платформ пустовало, лишь на некоторых из них велись работы по монтажу первых опытных образцов, а теперь...

– Жутковато. – Признался он, окидывая взглядом просторный зал. – В чертежах и компьютерных моделях все выглядит намного безобиднее. Да и темпы работ впечатляют, сэр.

– Ситуация не оставила выбора, майор. – Сухо ответил Уилсберг. – Пришлось подключить к промежуточной стадии проекта около сотни новых специалистов. – Пояснил он, жестом увлекая Алана в глубины зала. – Перед тобой механические остовы, опорно-двигательные системы принципиально новых машин. В подавляющем большинстве случаев они не несут окончательных форм готовых изделий. Твой разум должен освободиться от всякого рода фобий. – Он резко остановился, исподлобья взглянув на Керби. – Чтобы я больше не слышал от тебя подобных высказываний. Жутко наверху, – там, где разбирают завалы небоскребов, майор. – Жестко завершил генерал свою мысль.

Алан молча проглотил замечание, остановившись напротив обособленной группы платформ, на которых возвышались выполненные в металле, несколько видоизмененные скелеты человека, поддерживаемые техническими опорами.

– Андроиды? – Осведомился он.

Уилсберг проследил за взглядом майора и кивнул. В другое время наблюдать за реакцией Алана было бы интересно и поучительно: взгляд, буквально впившийся в сервоприводные скелеты, чуть расширившиеся зрачки, явно побледневшее лицо, – все свидетельствовало,

что в душе майора Кербби идет неприязненное осмысление образа, но в сложившихся обстоятельствах у генерала уже не осталось ни желания, ни моральных сил на психоанализ.

– Ты должен понять, Алан, рано или поздно человекоподобная машина должна появиться на свет. Все было готово для монтажа еще несколько месяцев назад, но сентябрьские события заставили нас форсировать темпы работ.

– Зачем? – Напрямую спросил Кербби, с трудом отводя взгляд от поблескивающих эндоостовов. – Чтобы до смерти напугать обывателей? Они же устроят настоящую истерию по этому поводу. Нация и без того напугана.

– Ты задал один вопрос или два? – Сощурился генерал.

– Два.

Уилсберг кивнул, с трудом сдерживая в себе вспышку гнева. Все они балансировали на грани нервного срыва от постоянного психологического прессинга и непомерной физической усталости. После событий одиннадцатого сентября для генерала стал очевиден тот факт, что страна, называющая себя «непотопляемым авианосцем», на самом деле долгие годы пребывала во власти глобальной, опасной иллюзии.

На самом деле географическая обособленность, удаленность от традиционных очагов локальных конфликтов вовсе не означало, что смерть не в состоянии вторгнуться сюда...

– Целесообразность и общественное мнение... – Глухо произнес он, вплотную подойдя к сборочным платформам. – Нам изменили техническое задание, майор. – Неожиданно добавил Уилсберг. – Теперь основной акцент сделан на окончательную доводку боевых кибернетических механизмов, которые по степени своей автономии должны успешно соперничать с человеком, а по ряду критериев превосходить его. Данный фронт работ выделен в обособленную часть общего проекта.

– Это приказ?

– Да.

Майор кивнул, понимая, что при такой формулировке задач его личное мнение уже не будет учитываться в той мере, как раньше.

Наша мечта не устояла под напором грубой силы. – С горечью подумал он. – Что может быть хуже, когда целая нация ввергнута в шок, а незыблемые устои, на которых благоденствовало общество, рушатся, демонстрируя собственную несостоятельность?

– Это связано с предстоящей операцией в Афганистане? – Интуитивно предположил он.

– Именно. – Кивком подтвердил Уилсберг и добавил, предупреждая следующий вопрос:

– Не стоит озираться по сторонам, Алан. Я знаю, ты спрашиваешь себя: почему из десятков моделей избраны именно эти эндоостовы?... но подумай, стоит ли плодить множество специализированных машин, когда сама природа подсказывает нам универсальную модель, которая при верной реализации будет обладать многозадачностью, сможет гибко переключаться между спецификой отдельно взятых проблем, решая их с одинаковой эффективностью? – Уилсберг обошел платформу, на которой стоял эндоостов андроида. – Ответь, разве не человек стал венцом процессов эволюции? – Спросил он. – Посмотри, мы позаимствовали у природы опорно-двигательный аппарат, полностью отвечающий всем предварительным условиям технического задания. Машина, собранная на таком приводе, сможет выполнять множество функций. Например, человеческая рука, – разве она не является универсальным манипулятором, который трудно превзойти в плане гибкости и многофункциональности? Зачем заново изобретать то, о чем позаботилась сама природа?...

Кербби молча выслушал монолог генерала и заметил:

– Я не могу высказать компетентного мнения по этому поводу, сэр. Боле того, я не понимаю, зачем спрашивать меня, когда есть Поланд и Даллас? Они отвечают за сервомеханику и программное обеспечение. Я же – боевой офицер. – Веско напомнил он.

Уилсберг нахмурился, но затем кивнул. Поведение майора с одной стороны задевало своей прямолинейностью, но в то же время намного упрощало общение. Алану в данный момент не требовалось зыбких, лежащих на грани фола доказательств целесообразности использования тех или иных кибернетических систем: он ждал четких пояснений и последующего приказа, не больше и не меньше...

Генерал искоса посмотрел на майора и мысленно добавил: Он не ограниченный вояка, отнюдь. Просто ему, как, впрочем, и мне, невыносимо бездействие.

Уилсберг был тысячу раз прав. Керби имел свое мнение по каждому из поднятых Альбертом вопросов, но предпочитал держать его при себе. Не потому что боялся или не умел высказаться, а из-за четкого понимания: раз его вызвали сюда, значит пришла пора действий, санкционированных на самом высоком уровне.

– Ты прав, Алан. Извини. Отбросим словесную чушь. Есть работа, как раз по твоему профилю.

– Сэр?

Уилсберг подошел к плотно зашторенной нише в стене и коснулся сенсора.

Два фрагмента пластиковой облицовки разошлись в стороны открывая просторную, глубокую нишу, где на специальных платформах стояли уже не эндоостовы, а готовые человекоподобные машины, механические тела которых покрывала неотличимая от кожных покровов пеноплоть.

– Десять лет назад я беседовал в госпитале с лейтенантом Ричардсоном. – Произнес генерал. – В ту пору он был одним из специалистов лаборатории, где конструировалось оружие будущего, – первые «умные» боеголовки для наведения ракет при «точечных» ударах по противнику. Колонна, которую он сопровождал, попала под обстрел нашей собственной артиллерии, а затем была атакована отступающими подразделениями иракской армии.

– Не понимаю, сэр...

– Не перебивай Алан. Я хорошо знал Герберта, – он был моим непосредственным подчиненным, – но после упомянутых событий, встретившись с ним в госпитале, я вдруг понял, что он стал мыслить совершенно иначе: его больше не увлекали мифические идеи бесконтактных войн. Лейтенант на собственном примере испытал, как капризна судьба, и как быстро высокотехнологичное оружие превращается в бесполезную грудку электроники, когда из-за близлежащего бархана по тебе бьют автоматы, и нет ни времени, ни возможности воспользоваться сложными, требующими особых условий эксплуатации боевыми комплексами, а до противника всего полсотни шагов...

Уилсберг по привычке заложил руки за спину, неторопливо прохаживаясь вдоль своеобразной «витрины» из пуленепробиваемого стекла, за которой застыли сервоприводные человеческие копии.

– Поначалу я принял его за труса, сломавшегося от первой настоящей схватки с противником, – продолжил Альберт после короткой паузы, – но быстро убедился, что Ричардсон мыслит не как пораженец, – он сумел пережить внутренний кризис, и четко осознавал – если уж делать ставку на ведение войны с помощью высокотехнологичных систем, то последние должны радикально видоизмениться, обрести новую форму... иначе, в один злополучный день можно оказаться лицом к лицу с незнающим высоких технологий экстремистом и пасть от тривиальной пули или удара ножа, перед которыми, как выясняется, бессильны самые изощренные компьютерные комплексы...

– Выходит, что концепция боевых сервомеханизмов была сформулирована не нашей группой? – Спросил Алан.

Уилсберг кивнул.

– Да, это сделал лейтенант Ричардсон, еще в девяносто первом году. Он просто спросил у меня: «Чего стоят тонны „умных“ боеприпасов, вкуче с баснословно дорогими нейроком-

пьютерами, если за их доставку к позициям тактических ракетных комплексов нужно платить кровью людей»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.